

СМЕНА

7

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КУШЕН ТУРСУНБЕКОВ

МАШИНИСТ ЭКСКАВАТОРА

Машиня мчит во весь карьер.
Дорога — круче горной.
Пред нами угольный карьер
Лежит долиной чистой.
Машиня крутое волни
— спасённых красаса —
чиринет углем этажи,
ступени, террасы.
На пласти мощного пласта
полёт игрушечный состав:
одной ступенькой выше
состав поменяше вышел;
а метрах в двадцати над ним
над третьими паровозом дым:
у самых звёзд пристройся,
стоит четырёхъезд...
В движеньях резкошные,
кивая друг другу,
грузят экскаваторы
уголь.

Как рассказать об этих местах?
Плоская, вроде стола,
на тысячу вёрст, суха и пуста,
степь залегла.
Ёё проморозило и пропекло,
поблекли, синямя краски.
Но только снимите
верхний покров —

и вы в скамье.
Вот экскаваторщиков ремесло:
берётся земляной шар,
и с шара снимается верхний слой,
чтоб не мешал.
Весьма толста земля кожура,
с непривычки можно оробеть:
раз десять конопы,

гладишь — гора;
что гор взгромоздила —
ребет.

Конечно, не сразу тебе Тиань-Шань,
но горы растут нескоро,
и ты по-особенному уважай
трёхлестие дроности горы.
Хочу, чтобы ты их другим
предпочёшь,
глазами карту обегав:
их создал в пустыне,
гладкой, как стоят,
товарищ твой

Турсунбеков.

Кушен худощав и коренаст
и роже круглую, пониже.
Он узкий глаз сощурит на пласт
и искоскош его пропиши.
Покрутит, смекнёт,
не спеша подойдёт.
Гигант-экскаватор хозяина ждёт.
А угол застыл стена на ждёт.
машине месяц стен узковато.

...Карьер поло много.
Один в вышине
стрелою взмынул экскаватор.

...
«...Казах рожден для байских овец...»
С лёгкостью на душе

про то, как живал дед и отец,
рассказывает Кушен.
Я думал, стоя на свежей земле:
Раскрыта уголь гряда.
Не год и не два, а тысячу лет
Кушен пробивался сюда...

Горят вдохновеньем акынов глаза,
и песни добрые чисты
во славу земли, на которой казах
рабочим промышленным стал.

***
Он
навеки пополнил отряд
героев нашего века.
Кушен-комсомолец Кушен-депутат,
новатор Кушен Турсунбеков.
Вот он работает,

сын степей,
потомственный байский пастух.
Гигант-экскаватор
режет ступень —

угольную версту.
Гигант-экскаватор боднёт козлом,
откусит две тонны за раз,
свалит в вагон
и дальше пошёл
грызть обнажённый пласт.
Сияют паровозы, открытым ртом —
немало составы весят.
Кушен нагребает пять тысяч тонн,
а, может быть, тысяч десять.
Блестят полировкой зубы в ковше,
свистят поезды, подплюзаны...
И улыбается сверху Кушен,
казахского угля хозяин!

Л. ЛИХОДЕЕВ

Девять дней продолжалось в Москве Всесоюзное совещание молодых писателей, созданное ЦК ВЛКСМ и Союзом советских писателей СССР. В работе творческих семинаров и в пленарных заседаниях совещания приняли участие 150 известных мастеров литературы. На снимке: поэт Алексей Сурков и Николай Тихонов среди делегатов совещания. Слева в первом ряду: Михаил Балейманова (Таджикистан), Евгений Васильевич (Белоруссия), Иван Шкворцов (Южная Осетия), Н. С. Тихонов, Миколас Слуцкис (Литва), Ваисис Реймерис (Литва) и А. А. Сурков.

Фото Г. Борисова.
А. Моклецова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1951 год.

Год
издания
28-й

МИРА НЕ ЖДУТ— МИР ЗАВОЕВЫВАЮТ

В. ЧАЧИН

Прошло совсем немного времени с тех пор, как по всей планете прозвучала историческая беседа И. В. Сталина с корреспондентом «Правды». Народы мира делают свои выводы из простых, но полных глубочайшего смысла слов нашего великого вождя. Жизнь вновь продемонстрировала тот величайший факт, что наша партия умеет смотреть вперед, что у нее слова никогда не расходятся с делами.

Уже после опубликования беседы И. В. Сталина мир узнал о новом, четвёртом после войны снижении государственных различных цен на производственные и промышленные товары в нашей стране, давшем населению чистой выигрыша 27,5 миллиарда рублей (не считая снижения цен на колхозных рынках). Мир узнал об утверждении советского бюджета на 1951 год, свидетельствующем о гигантских исторических победах строительства коммунизма. Мир узнал о принятии Верховным Советом СССР Закона о защите мира, отвечающему наименшим народов. Мир узнал, далее, о решении правительства СССР присудить Сталинские премии за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1950 год. Это решение демонстрирует перед всем миром успехи передовой советской науки и культуры, развивающихся на базе творческих идей марксизма-ленинизма.

По всей нашей необъятной стране развернулось грандиозное строительство. С каждым днем наши Родины приближаются к изобилию материальной и духовной культуры. Никогда в истории человечества не видело так реалистично своего будущего, как видят и уже осознают его советские люди. Наша страна с честью несет гордое имя нашей удивительной нации, гордой прародителями. Вот это наше созидание и есть самая большая борьба за мир.

Эту борьбу ведут у нас каждый гражданин, каждый участник работы. А тех, кто идет впереди в этой борьбе, народ одаривает словом. Пусть зайдутся каждый честный человек в характер нового списка лауреатов Сталинских премий за 1950 год. Ранее не выдающимися борцами за мир являются у нас, например, доктор физико-математических наук Л. М. Бреховский, занимающийся акустикой; доктор Д. О. Скobelевцын, изучающий космические луны; доктор Н. В. Смирнов, работающий в области математической статистики; доктор П. Г. Сергеев, исследующий область органической химии; академик Л. С. Берг, разрабатывавший научный труд о рыбах пресных вод; академик В. В. Виноградов, занимавшийся проблемами грамматического языка о русском слове; конструктор А. Д. Гридин, работавший над изобретением и внедрением угольного комбайна; Е. Г. Рудин, руководивший работами при создании конструкции шагающего экскаватора; молодой токарь комсомолец Ю. И. Диков, внесший коренное усовершенствование методов производства работ; мастер С. Я. Марченко, создавший чудесные книги для детей; молодой инженер Юрий Красильников, создавший энзимную, включающую повесть о студенческой жизни молодой драматурга Юлий Челепин, написавший пьесу «Совесть», и тысячи других наших талантливых рабочих, колхозников, людей науки, культуры и искусства! Все они гордость народа, гордость нашей борьбы за мир.

В нашей стране давно ликвидированы эксплуататорские классы, которым война нужна для наживы на крови народов. Нет, следовательно, у нас и почвы для пропаганды войны. Но империалистические правительства, купленные миллиардерами и миллиардерирами, не хотят принимать Закона о защите мира, как это сделали Советский Союз и страны народной демократии, откликнувшись на призыв Второго Всемирного конгресса сторонников мира. Агрессивным силам в США, Англии и Франции, как учит товарищ Сталин, «нужна война для получения сверхприбылей, для ограбления других стран». Этим зловещим масса растёт с немовлемой быстротой. Сама история — хороший учитель. Вторая мировая война учила миллионы людей понять тайну, в которой война народов скрывается. Рост социальных уений в рабочих лагерях империализма оттолкнул целые страны Центральной и Юго-Восточной Европы и великий Китай. Ныне на борьбу с империализмом — истинником всех народных несчастий — поднимаются новые сотни миллионов людей во всех частях света. Этого и боятся акулы империализма, возглавляемые таким орудием реакции, как США. Поэтому и стараются враги мира опутать народы ложью о СССР и странах народной демократии. Поэтому и понадобилось такому оружению империализма, как Эттил, клявевати об агрессивности СССР. Сама советская жизнь разоблачает клевету Эттил и К°, ибо, как говорят, правда путешует без виз.

Чем кончится эта борьба агрессивных и милрольбовых сил?

На этот вопрос даёт ответ наш любимый вождь: «Мир будет сохранен и упрочен», — учит товарищ Сталин, — если народы возвели дух сохранения мира в свою руки и будут отстаивать его до конца. Всёна может нести ненависть, если подпитываете её, народы удастся опутать ложью народов, обмануть их, убедить в том, что мир — это временный венок».

Советский Закон о защите мира — новый крепкий венец, дарящий покой жителей мира. Он включает почву из-под ног язвы Эттил и трумазов. Сила этого Закона не в декларации. Он, этот Закон, подкреплён невидимым ростом нашей экономической и политической мощи, волей наших людей к миру и готовностью отстаивать его, разоблачая преступные махинации поджигателей войны.

Народы мира верят, что политика мира восторжествует повсюду, ибо возглавляют борьбу за мир лучшие люди наций во главе с великим Стalinым.

На Счастливой
Улице

К 150-ЛЕТИЮ ПУТИЛОВСКОГО
(НЫНЕ КИРОВСКОГО) ЗАВОДА

Жили они за Нарвской заставой, на Счастливой улице. Освещали Счастливую керосиновые фонари. Всех домишками да кривые заборы сплошь ложили свет тени на бульвар мостовую. Плясалась по Счастливой водовозная калча, цокала машины, подковами, терлась мордой о знакомые калитки. Но вдруг пришел неизвестно откуда пользаясь на Счастливой хромой шарманщик, и тогда пальма мелодия «Разгули» над вербесами с мокрым бальзамом, над домами. Открытые хозяйствки окна, сладко замирали на подоконниках под «Разгули», просыпаясь сырьтать ёщё.

А вечером шла по Счастливой от трактира до дома мастера малодушная. Рвала душу, захлебываясь, тряхдала, нещадно билась бульжниками новые «со скрипом» сапоги. Бывало, что тут же и дрались. И тогда с соседних улиц говорили:

— Счастливая идет...

Летом 1896 года приехал на Счастливую из деревни парнишка. Приехал в гости к отцу — слесарю Путиловского завода. Прибыл вроде погости, но так и остался насквозь наставляем. Отвел отец дипломатически малагутина на завод, выпил смесяц с мастером «шариком», пристроил сына у проходной номера снимать.

Приехал парнишка грохочущим извозчиком. После деревенских поездок уз очи страшны были алчейка, проката и кузница. Жался парнишка в угол проходной, когда вдруг на заводском дворе ревели гудки или с грохотом опускался на стоящее железо паровой молот.

Но всему человеку привыкают. Привык к звуку и мухах — смесяц слесаря-путяловца. А когда привык, потинуло парня в цех, хотелось и ремесло научиться. Пришел мастеру, поклонился, рассказал свою просьбу. Понял мастер цепочкой от часов, смерил парня взгядом:

— А ты краемочные книжки читаешь?

Вздохнул Михаил, не понял:
— Нет ец!, ве, дяденька, не беспокойтесь. Если для дела надо, прочитай.

Затряслася в смеихе живот мастера, глазки сузились, умилились. Да ты, брат, совсем дурак! Дурак, но видать, не испорченный.

С этого дня стал Михаил учиться на слесаря — знать, поправляться мастеру простоятый деревенский малагута.

Наступал двадцатый век. Всё больше и больше труда требовалось за Нарвской заставой. Ширись, раз Путиловский завод. Новые большие закалы поступали в прокатные и литейные цехи. Россия прокладывала всё ближе и ближе к Тихому океану Великую Сибирскую железную дорогу. Из ворот Путиловского завода беспрепятственно увозили новенькие реалсы. Заказ был срочный, важный, и хозяин не скучился. Бывало, устраивал и угощение. На заводском дворе склачивались длинные столы, поили рабочих водкой. А после оставались люди слова работать, отказывались от отдыха.

И опять беспрерывным потоком шли на Восток реалсы Путиловского завода. В такие дни всё чаще и чаще вдруг среди рабочего дня истощенно ревел гудок: человек попал в машину. Искалеченные тела прикрывали горожек, поспешили уноситься со двора. Здесь же, недалеко от завода было и кладбище.

Однажды попали в машину сразу две. Остановились станки, замерли ремни трансмиссии. Молча окружили рабочие тела товарищей, сняли шапки. Кто-то из рабочих поднялся на стол. И тут впервые услыхали молодой слесарь новые, неизвестные слова. Рабочие говорили об эксплуататорах, о пролетариата, о капиталисте. И когда все было слесарю ясно, что крепко в голову засел слова оратора:

— За водку нас покупают. Реалсы им нужны. А пройдёт немного — погонят по этим реалсам на убой солдат, таких же, как и мы, рабочих. Не на себя, мы, товарищи, работаем, а на господ, на их карман.

А вскоре оправдались слова рабочего-оратора. Далеко на Дальнем Востоке разразилась война...

Молодые кировки (слева направо) Евгений Гаврилов, Александр Тасов, Майя Погорельская, Николай Талызин и Людмила Тюктина.

Фото Г. Коновалова

Однажды по Счастливой улице с вокзала в госпиталь пронесли двухоки с ранеными. Искаженные, в окровавленных щитах люди бесстыдно смотрели в небо, ругались и стонали. И долго потом в дымных трактирах Счастливой отчалило про-клиника мастеровые с Путиловского своих хозяев, ругали и ре-льши, и пушки, и свою собачью жизнь.

Как-то зимнее воскресенье собралась народ идти к царю. Вышли на улицу все, и симбирские заводы, и Нарвские, и Путиловские. Шли с ящиками по-православному листья. Шли и верили, что царь во всем разберется и поможет людям жить. Шёл в толпе женщины, дети, стариков и молодой слесарь Михаил Решетов. Начистился парень, надел всё самое лучшее, ведь не куда-нибудь идёт, а к самому царю. И когда разорвал воздух первым залпом, когда запел над головами пухи, понял слесарь, что с этого часа начнется для него новая жизнь.

А через двенадцать лет снова в Петрограде запели пухи. От выстрела с Невы вздрогнула лодка в хибарке слесаря Михаила Решетова. Заплакала в лодке маленький Лёня Решетов. Дома была одна мать. Отец, голодный и усталый, пришёл только пол утра. Всю ночь спал под деревом, а утром проснулся торжественно, радостно. Без слов было ясно, что часовая минутная ночь пережила самое хорошее, самое большое в своей жизни.

Над молодой Советской республикой подыхало пламя гражданской войны. На Путиловском заводе работали круглые сутки. Впервые люди почувствовали, что значит трудиться на себя. никто не заставлял их день и ночь быть в цехе, никто не приказывал бессменно стоять у станков. Михаил Решетов вместе с товарищами-путыловцами строил бронепоезд, делал пушки для фронта.

Когда Юденич подошёл к самым окраинам Петрограда, прыгнувшие из окон жильцы ссыпались к началу артиллерийской. Мешали красным артиллеристам вести прицельный огонь дома Счастливой улицы. Что же делать? Выкатывать орудия за Счастливую улицу опасно враг близко. И тогда сказали свой слова путыловцы, жители рабочих окраин:

— Сожём Счастливую улицу. Не было на ней счастья. А когда враг прогоним, построим на этом месте новую, замечательную улицу, и она по-настоящему будет Счастливой.

Ночью горела Счастливая, а на рассвете заговорили пушки. Вместе с отрядами Красной Армии героически дрались и путы-

ловские рабочие. Враг был разбит, далёко отброшен от колыбели революции — Петрограда.

Окончилась гражданская война. Республика залечивала раны, вставала из руин и разрухи. Путиловский завод начал осваивать по эскизу великого Ленина первые тракторы. Слесарь Михаил Павлович Решетов вместе с товарищами изучал чертежи новых машин, изготавливал первые детали. И 15 марта 1923 года три «рутинные» трактора, выпущенные из заводских ворот в город Зимнему дворцу. До парада Урицкого доехала только один трактор, а два других остались у Нарвских ворот трактора, комиравшие в масляных деталях. Было обидно. Но верил слесарь, что придёт ещё такой день, когда путыловские тракторы будут самыми лучшими в мире.

И этот день скоро настал. Прошло шесть лет, и на заводе появился азогун: «Даёшь 32 тысячи тракторов в год и ни одним меньше!» Путыловцы в совершенстве освоили выпуск тракторов, беспрерывно доставляли на колхозные поля замечательные мощные машины. Люди работали на себя, на свою страну. Этот труд стал для путыловцев дядей Федором.

В 1930 году правительство наградило мастера Михаила Павловича Решетова орденом Трудового Красного Знания. В те дни многие из путыловцев выезжали на колхозные поля, на месте проверяли работу своих машин. Это была не просто проверка, отладка моторов. Нет, не это главное. Партия учila путыловцев крепить союз с трудовым крестьянством, помогать колхозникам в южечтённой борьбе против кулачества.

Однажды вместе с товарищами выехал в село в качестве разъединенного механизма и Михаил Павлович. С какой радостью встретили его крестьяне! Путиловцы в деревнях знали, относились к нему с большойуважением.

Здесь, в селе, чьёто вражеская рука вырезала из стоя новых путыловских тракторы. Выбрал тогда Михаил Павлович два самых разбитых трактора. Отремонтировал их с товарищами за ночь и сел за руль. Народу собралось много. Всем интересно, как это путыловцы пахоты смогут на таких машинах. Ведь они уже давно выпали из строя. Спринчивают рабочие крестьяне:

— На сколько сантиметров пахать?

Говорят:

— На десять.

— Мало, — отвечают птиловцы. — Товарищ Сталин учит использовать технику на всю мощь.

Посмотрите они на людей. Видят, лица недоверчивые — сомневается зерно. А птиловцы в свою технику верят. Всегда тогда Решетов говорит:

— Будем пахать на двенадцать да щёг три сантиметра прибавим вам из птицеоицы.

Четыре круга прошли — хорошо берут тракторы, спрашивают. Тут уже, конечно, народ доволен. Верит птиловцам, просит подучить их.

Впоследствии Михаилу Павловичу приходилось зачастую наблюдать в действиях славных кировской промышленности. Об этом старый рабочий недавно рассказал в агитпункте избирателей Кировского избирательного округа:

— Вот, помните, товарищ Сталин особое внимание уделяя развитию сельскохозяйства и скотоводства. Мы, птиловцы, сейчас же скажем вам, что здесь помочь Родине. Думали, думали, и изобрели специальные тракторы «Универсал-2» и «Универсал-2». У них хлеба колёса расположены, не давая обиды ценной культуре.

А когда комбайны начали строить, так мы, птиловцы, моторы для комбайнов поставляли. Сам вымажка на места, смотрел, как эти комбайны работают с нашими моторами. Так что мы никогда от страны не отставали. Только отец наш, товарищ Сталин, какую новую мысль подаст, а мы тут как тут, инженер, изобретаем, делаем.

Помню, по инициативе товарища Сталина начали реку Москву с Волгой соединять. Только план составили, а уж наш завод начал делать механизмы для шлюзов. Я сам ездил на канал, проверял нашу продукцию в действии. Ничего не скажешь, хорошо разработано.

А метро московское строили. Что же, и здесь наши изделия с маркой «Кировец» — эскалаторы-механики — оправдали себя. Это уж каждый скажет, кто в метро побывал.

Когда война началась, на них кирзовцы по указанию товарища Сталина освоили военную промышленность. Боевая техника с маркой «Кировец» себя тоже оправдала. Я сам с товарищами её испытывал. Да у нас про это все знают. А за границей наши враги особенно помнят...

После войны разрослось промышленное строительство. Куда ни посмотрим, все строятся. Сколько строиматериалов нужно,

особенно леса! Узнали мы, что наши лесорубы пробуют лес хлыстами трелевать. Это — дело большое, спорное. Но для такой работы тракторы нужны мощные, проходимые. Опять же наши Кировский заводы не отсталы. Делаем мы сейчас такие тракторы, «КТР-12», называемые. Вот знаменитый северный лесоруб Иван Котон про них знает. Машинка лучшая в мире. Такой ни в одной стране нет!

Начали по указанию товарища Сталина на Волге плотины сооружать. И мы свой подарок строителям отсыпали: комбинированные тракторы и другую продукцию. Уже с Волги ответственные письма есть, благодарят нас, кирзовцы, обещают трудом справляться подрядчики. Нам, конечно, такое приятно читать.

Сейчас вместе с Михаилом Павловичем Решетовым на славном Кировском заводе работают и его дети. Леонид работает инженером, а Галина — конструктором.

Леонида принёл на завод отец. Принёл, поводил по цехам, показал всё, что было интересного, познакомил сына с товарищами.

Мой, вот тогда, отец хотел, чтобы

пришло становление, чтобы принес на Пугачевский молодёжь, всяких поросят к себе в ученики велел, передал парню свой фартук, хватку и работе. Постала Леонид с полога у токарного стапеля, научился точить самые ответственные детали. Кажется, нечего достичь человеком. Ремесло знает, поётесь чест. Чего же ещë парни надо? Но не так думал Леонид. Завод открыл перед пареньком большие, светлые дороги дедизации, творчества.

Страна жила птицами, бурно строилась, росла. Кировский завод был как боевой штаб на фронте отечественного машиностроения. Всё, что нужно было стране нового, сейчас же экспериментировалось и выпоминало Кировский завод. На людях смотрелись такие: можешь дать больше, можешь шагать дальше, так шагай, дебаркадер. Но останавливаться, учишь, или дальше.

Видел Леонид, как появлялись на заводе молодые, бесцветные инженеры, вспоминал, как вспоминал. Себя, как бы старались боязнь давать указания, а в обеденный перерыв забывали о солидности, сбрасывали ботинки и босиком играли в футбол на заводском дворе. Узнал Леонид от них, что есть при заводе своей вечерней техникой, а в городе существует заочный институт. Учишь без отрыва от работы и через пять лет будешь инженером.

— А что для этого надо? — спросил токарь новых товарищей.

— Желание, только и всего. В этот же день Леонид пришёл к начальнику цеха, заложил свою просьбу.

— Это правильно, — поддержал парня начальник цеха. — А как же ты любишь читать? Не всегда находил Леонид время для книг, всё больше футболом увлекался...

— Читай, учись. Чем нужнее будет помочь, спрашивай — не откажем. Только читай, парень, больше. Учишь по-настоящему, не так, как нам в молодости приходилось.

Прошло пять лет, и Леонид получил диплом инженера.

Часто по вечерам собирается дома вся семья старого птиловца, и тогда начинается интересный разговор о делах на заводе, о новых марках тракторов, о машинах будущего. У Решетовых есть всё для того, чтобы творить. Сын и дочь хорошо владеют теорией, а у Михаила Павловича богатая практика. Уже 55 лет работает он на славном заводе. Он всех на заводе знает, и его знают. Привыкли встречать Михаила Павловича по утрам у проходной завода молодые рабочие, его уважают все труженики Нарвской заставы.

Встаёт над Нарвскими воротами ленинградское утро. Дымит, гудят беспокойная, славная Нарвская застава. Первые лучи солнца упаю на бронзовое, в распахнутом плаще Кирова. Киров удаётся солнцу, смеётся, широко шагает настручу проходящему утру, на встречу трудовой Нарвской заставе. Пробудилась Нарвская застава, готовясь к трудовому дню. Встал и семья Решетовых. Жёны позавтракали, собираются на работу. Леонид внимательно смотрит в окно, удаётся, говорит отцу:

— Шестидесять лет идёт наше поколение этой почтёй деревней к воротам заставы... Правда, торча тяжёлой грудью, было помещение да не так велико было людской поток. Не из этого дело. Главное — это, как идут люди на завод, какие у них анцы, чувства, умычки. Был бы и художником, то на самом большом полотне запечатлечь бы незабываемые минуты. Морозный воздух, смешивающиеся лица, румянец на щеках. Люди идут по красивой, светлой улице. В этом людском потоке нет стариков и младших — все раны. Вот седусовский птиловец. Он шагает солидно, неторопливо, а рядом — юноши. У парнишни ушанки на затылке. Варежки сна — мешают показывать на пальцах, как точки, детали или что-то ещё. Уже очевидно, сложное, интересное. Но старый склоняется, искренне молчаливо прятая улыбку. Вот, мы, придём в час, там и покажем... долмы, пристрастия, любовь к родине... Раньше так же радость имела из кухонь, на встречу созиданию, на встречу с трудовым днем. В этой картине обязательно должно быть много солнца, света, воздуха. А вот как это сделать, художнику лучше знать.

Почему я так думаю? Потому что я и вся наша семья тоже ходим по утрам на родной завод. Мы идём по нашим улицам, которые по-настоящему стали сегодня счастливыми. Мы идём гордые, готовые к труду, к творчеству. Так ходят на работу по Кирову, так начинает свой трудовой день вся наша страна вместе с великим Сталиным. Единими мыслями со всей советской землёй, с любящим Сталиным живёт и коллектив нашего Кировского завода.

Старый птиловец Михаил Павлович Решетов с сыном Леонидом.
Фото С. Косярева

Рисунок П. Наумова

А. БЕЛЯНИНОВ

ШТОРМОВАЯ ПОГОДА

Рассказ

Саша Сергеев и я были приписаны к катеру спасательной станции. Катер у нас небольшой, но ходкий. Скорость — тридцать, пять узлов. В хорошую погоду выскочишь на полном газу из порта и вернешься в него, не заметив, что в воде и взлетел.

В носовой части установлена проекция на штурвалом подшипнике: в любую сторону можно повернуть. Ни винтёвка, ни работа. А Саша сидел на руле и моторе. Рудаскуму пакостил. Не так повернула в штурм — закротил волна, хлопот не оберёшься.

Наш катер ходил под номером вторым, а мы между собой звали его «стариком»: уже три года трепало его море, и на нём не один десяток человек спасали.

Раз мы с Сашей дежурили. Дело было в зимой. Никаких купальщиков, конечно, не было; вот и сидим себе целый день в домике спасательной станции: он тут же на пляже стоит.

С утра погода была ничего. Пасмурно, но безветрено. Мы с Сашей спали в сторону учебники по навигации — готовились к экзамену в мореходной школе — и выходили на крыльца покурить у колодка.

Море спокойно ласкало берега. Волны набегали на песок, уходили обратно. Песок шипел.

— Пахнет штурмом, — заметил мой друг.

Из-за Большого мыса поднимался туман. А когда туман отступал, спокойной жизни не жди.

— Вчера «итальянцы» пришли, — сказал я. — Раньше скрока. Капитан не хочет заходить в порт, чтобы лишних денег не платить за стоянку.

— Я думаю, — сказал Саша, — что, как только ему штурмовую сковду передадут, он побоится за рейдом стоять.

— Ты что, не знаешь их? За лишнюю конёк удается! Бросит веякою... а люди — пускай пропадают...

Саша затянулся в последний раз, затоптал папиросу:

— Хорошо бы проснуться в один прекрасный утро и узнать, что в Италии живут такие же свободные люди, как и я. И во Франции, и в Америке. Как думаешь, дождёмся?

— Дождёмся!

Подул ветерок: сначала — слабый, дёрнув обрывок газеты, который вляпался у крыльца: потом — посильнее, потащив газету через весь пляж, прибила к заколоченному на зиму фанерному кiosку.

— Начинается, — сказал Саша и поднялся. — Пойду мотор проверю. Мало ли что будет...

Я тоже пошёл проверить аккумуляторы. Неровен час, останешься ночью в море без света.

Когда мы вернулись, на крыльце стоял наш начальник, Павел Петрович. Мы, как увидели его в плаще, в резиновых сапогах, сразу поняли: сводка с метеостанции штурмовая.

Павел Петрович покусывая трубку: недоволен.

— Ну, — сказал он, — предстоит нам сегодня ночь работы! Наверняка могут обещать...

— Какая? — спросил Саша.

— Итальянскому капитану сводку передали. Так он все якоря приказал бросить. Думает удержаться.

— А сорвёт с якоря, — сказал я, — на помощь звать начнёт!

— Я б такого капитана под суд! — Павел Петрович стукнул трубкой по перилам. — Идите, отдыхайте.

Ветер посвежел, разогнал туман. Верхушки волн стали закручиваться в барашки. Мы установили мотор и прожектор, пошли обратно.

Наши сидели в красном уголке. Когда штурм, все спасатели выехали на авральную вахту. Неделью будет штурм — неделя будет идти на станции.

Роботы у нас отчаянные: профессия такая. Когда все к берегу жмутся, нам самое время в море выхлыть.

Они уже знали, что корабль за рейдом не собирается заходить в порт.

Пока не стемнело, мы несколько раз выходили взглянуть на «итальянца» в бинокль. Мотаются на цепях. Море тёмное, тяжёлое. На сердце немножко беспокойно, как подумаешь, что в любую минуту может быть сигнал бедствия.

Потом, ближе к ночи, мы стали по очереди у колокола дежурить. Колокол большой, его километра за три слышно.

— Надо Толстого про этого капитана написать, — сказал Саша. — Чтобы итальянские рабочие узнали...

— Думаете, не знают?

— Ничего. Каждый такой случай надо учить. Потом сразу же всё предъявить.

В половине второго вошёл Павел Петрович:

— Собирайтесь, спасатели. Сорвало! И вдебавов за риф зацепило. Сейчай бьёт судно о камни.

Плацца под руками, оделася быстро. От станции до пристани ветер гнал нас в спину. Меня чуть в воду не занесло.

Я забрался на нас нашего катера и включил прожектор. Жёлтый стобл презрал в темноту. За ветром я не услышала, как Саша завёл мотор и отшвартовался. Катер разгулялся, как подстегнутый.

Рульевой всегда ведёт катер по лулу. И наблюдало вразрез ауч. А тот, кто на прожекторе, — по сторонам: не мелькнёт ли где сквозняк?

Штурм и прожектором — ничего не видно. И от берега уже далеко стопаны. Вдруг в четверть-кабелетом в лух входит катер, наш, спасательный, номер третий. Понему-то без света. Чтобы избежать столкновения, Саша круто положил руль направо. Воды накрыла нас. Мы с Сашей мокрые, осасданы, охахали.

Я прожектор закрепила и перебралася на корму. Саша уже перевернула мотор на помпу, держит нос по ветру. Без мотора трудно с волной управляться. Только в катере воды побауватся, снова захлестнёт.

Долго провозились. Смотрим: впереди корабль в луле. Ох, и бьёт его! Вот-вот рассыпается.

Кричу Саше в ухо:

— Опоздаем!

Он мне:

— Всё равно пойдём!

Я снова за прожектор, поймал корабль.

Шарим вокруг. Ветер порывами. Накаёт, завернёт, а потом отпустит слегка. Я прожектором воду освещала. Смотрю: в луле гонит. Я руку подняла. Это значит: Саше так держать.

Подошли — нет головы. Захлебнулась, видно.

Сашу, Саша кричит. Огрызнулась — он на борт. Одной рукой держит, другой тянет коготь-то за волосы. Я к нему на помощь. Вытащила. Девушка. Воды наглоталася много, но дышит.

Положила мы спасённую на дно катера, пошип обратно. Ветер в лицо, вода. Домой совсем уж к утру добирались. Ну, Саша — молодец! Так пропёл — ни разу волны не накрыло.

Девушка совсем очнулась. Сидела, обхватив колени руками, и дрожала. Уж очень она перепугалася.

На берегу нас поджидал Павел Петрович. Он такой: пока все вернутся, не уйдёт с причала.

На этот раз с ним едёк кто-то стола, небольшого роста, в загородном дождевике, высокой морской фуршаке. Он бросился к девушке, сказав ей что-то, повёл к машине, которая ожидала неподалёку.

Она, пока шла, ни разу не обернулась.

Захлопнулась лакированная дверца, машина уехала. На станции мы с Сашей перешли во всх сухое — тепло стало. У меня на щеке пересохла — накануне брысила, — садится начал от морской воды. Я только теперь почувствовала.

Нас позвал Павел Петрович. У него в кабинете стола тот же морик.

— Опа! — спросил он у Павла Петровича по-английски.

— Опа.

Он кивнула нам, но руки не подал. Я заметила, что Саша начала залывать.

— Это капитан, — сказал нам Павел Петрович.

— Я должен наградить их, — продолжал капитан. — Девушка, которую они спасли, — дочь моего хозяина. Я хотел отправить её на берег. Она ни за что не соглашалася. Причуды.

Он расстегнул дождевик, достал обёмистый бумажник крокодиловой кожи.

— Триста лир достаточно?

Мы с Сашей переглянулись. Я в уме составила фразу.

— Капитан, — сказала я, — если бы мы спасли матроса, вы тоже захотели бы нас наградить?

— Или предложили бы тридцать лир? — сказал Саша.

Она удивлена:

— О, как вы хорошо говорите по-английски! Но вы должны понять: ведь это dochе хозяина!

— Нам всё равно, кто она... — сказала Саша. — Положите деньги обратно. Пригодятся.

— Я ведь говорила, — сказал Павел Петрович капитану. А нам умыбнулась.

Мы вышли.

— Что-то он не очень расстроен тем, что разбил хозяйственный корабль, — сказала Саша. — Кто же берёт? Может быть, они за этот корабль страховой премии получат в раза больше, чем он стоит. Там это — дело тёмное.

Я ничего не ответила. Я думал о капитане и о девушки, о нас с Сашей, о ребятах, которые спали в общей комнате на нарах...

За окном, самично, стихая шторм. Но мы очень устали, надо было отдохнуть, а потом идти на вечерние занятия в школу переходства.

В стенах родной школы встретились бывшие воспитанники, старые учители, ученики старших классов. На снимке (слева направо): студент Станкоинструментального института Геннадий Мирон, заведующая учебной частью школы Мария Ивановна Садикова, ученик 10-го класса Виноградов, ученик 10-го класса Юрий Антонов, бывший директор школы Иван Григорьевич Светлов и инженер Светлана Садикова.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

В дверях 203-й музыкальной школы Октябрьского района Москвы гостили выпускники. Среди них — серда женщины. На «броне» им нарядили пиджаки при свете листёр алюминий оранжевого цвета.

— Завтрашний день, — здравствуйте, дорогие! Задорожье! — Задорожье! — поклоняется — приветствует женщину.

Мария Ивановна Садикова, заведующая учебной частью.

Сегодня в школе большое торжество: выпускники прощаются со школой. Некоторые из них окончили школу 25 лет назад. Непрерывно, один за другим, выходят на сцену, чтобы показать свои в драных, но хороших знакомствах.

Вот у столика, где белокурый инженер Светлов, — здравствуйте, капитан! — сидит Иванка Садикова, — здравствуйте, приветствует приглашённых, остановившись приближающихся, — здравствуйте, две женщины в зелёном пиджаке, — здравствуйте, в чёрном костюме и в очках.

— Юлия Николаевна Никонова и Геннадий Соломон Ефремович — приветствие десантниц-санитарок.

— Когда окончили школу?

— В 1962 году.

— Юбкины, значит?

— Да, юбкины... — улыбается Юлия Николаевна.

К столику подходит Мария Ивановна Садикова.

— Ал! Наша кандидаты пришли!

Иванка Садикова, которая вступила в этой школе, окончила её, понеслась. Сейчас она действительно одна из самых известных выпускниц школы. Мария Ивановна — кандидат исторических наук, её муж — кандидат экономических наук.

— Была Иванов ешил не приехал?

— Нет — он в Ленинграде, на соревнованиях.

Встречи Иванов, о котором крёц, тоже окончила школу в 1952 году. Сейчас он дважды лауреат Стальной птицы, один из лучших художников-плакатистов страны.

Входит в зал лёгчина, вправо военные в парадных мундирах и в орденах: входят мужчины и женщины, нарядные, окончили школу, вспоминают воспоминания, возгласы удивления.

— Приветствуешь Где ты? Как ты?

Где разместилась Ивановская школа в Броварской области. Старший зоотехники племеноводов «Власти труда».

Глеб Леонтьевич Мардыновский. Он проездом в Москве и принял встречаться со своими старыми друзьями.

— Вы меня узнаёте? Я училась в группе «А», а вы в «Б»...

Проходит первые учительницы, профессоры Альберт и Николай Симоновы. Симонов уча здесь ребят русскому языку, сейчас он профессор, читает лекции в МГУ.

Петр Михайлович Минин, бывший директор школы, сейчас председатель совета профессоров имени Ленина. Преподаватель рисования Пичугин стал известным художником.

На лестнице толпятся недавние выпускники, ныне студенты МГУ, Станкоинструментального института Гоголя, Института иностранных языков.

— Друзья, встречаются вновь... А что, сегодня будет концерт?

— Да, под сценой ходят нашей группы, — здравствуйте, Елена Екатериновна Екатерина будет петь шестидесятакансон Юрий Баранов. У него замечательный голос.

Мария Ивановна Садикова рассказывает свою бывшим ученикам и ученицам о встречах с друзьями из разных родных их школ.

В прошлом году у нас было много медалистов: пять золотых и восемь серебряных медалей наших отличников. Сейчас хорошо учатся Игорь Буринин, Стасис Ефремов с первого по десятый курс, Елена Екатериновна Екатерина...

Многие преподаватели, выпускники школы награждены орденом «Знак почестья», Евдокия Леонтьевна Геин, учительница русского языка, — орденом Трудового Красного Знания...

Всех наших радостей не перечислить. Впрочем, вас этих не интересует. Видите, сколько их и у нас... — указывает она рукой на ограду, у которой стоят памятники погибшим в годы войны погибшим ученикам.

А сейчас это замечательная традиция — после стольких лет соединяться вместе... — говорит кто-то в группе из беседующих людей...

— Погодите, — говорит кто-то из учеников, посмотрите на успехи наших учительниц, кому мы стольными годами помогали, — увидите, что нас не зря, порадовались нашими общими успехами!

Да, у нас можно видеть, как сейчас живут наши выпускники, можно увидеть, какие замечательные условия для жизни дают им...

...После торжественного собрания и концерта, после танцев под разные музыкальные композиции, подальные расходились они за поздними ужинами в Москве: одни — к своим кафедрам, коллегам, друзьям, родным...

— Да, — говорит кто-то из выпускников, — друзья, — друзья, — друзья... — учатся в школе, учатся в университете...

— Спасибо нашей родной школе! — — думают все они.

О. КОЖУХОВА

Ханифа проверял на ночь все буровые и вернулся к себе в будку отдохнуть. Распахнув окно, он прильг на диван. В окно открывался прекрасный вид на море. Но он сегодня не волновал Ханифа.

Устав за день от волнений, Каспий лежал спокойно. По всему небу былибросаны звезды, словно отколовшиеся от месяца жемчужиночки, горевшие на вышках морских буровых, — полотно ночи. То светилось вторая бутика Ильища.

Вспомнилось: четыре года назад, когда Ханифа впервые приехал на промысел, здесь ничего ещё не было — ни виши, ни рабочего посёлка.

Было далеко за полночь. Ханифа взял со стола газету, начал просмотрывать их. Внимание его привлек очерк о работе зоны Гюлебатин Мамедовой из колхоза имени Сталина. Прочитав его, Ханифа отложил газету и задумалась...

***

Гюлебатин утром шла в поле. У самого выхода из деревни её погнали почтальон.

— Тебе письмо...

Гюлебатин посмотрела на конверт. Письмо было из Баку, от мастера нефтеходобчицы четвёртого промысла треста Стальненефть Ханифа Гасанова. Имя это было давно знакомо девушке, но самой она никогда не видела.

«О чём же может мне писать?» — недоумевала Гюлебатин, и, разорвав конверт, начала читать. Её широкие брови сдвинулись, и лицо приняло сопротивленного выражение. Она задумалась, прочитала письмо ещё раз. Подошли девушки из её зоны.

— Что случилось, Гюлебатин? Что-нибудь хорошее? — торопливо спросила Самая.

— Нефтники дадут на соревнование вымывают...

И, окружив Гюлебатин, девушки стали читать письмо. Им радостно было, что город узнал об успехах их зоны. В прошлом году они собрали с каждого гектара по 89,5 центнера хлопка, а теперь решили собрать ещё больше.

Нефтнники писали о своих успехах: месечный план нефтеходобчицы бригады Ханифа Гасанова выполнена досрочно. Годовое задание у них уже перевыполнено в четыре раза.

«Мы — зоны Ханифа! — облизнувшись к концу года дадим план на восемьсот тонн нефти. Пишите нам о своих успехах!»

Самая, скруко подмигнув подругам, сказала: — Ну, что ж? Пусть узнают нефтнники, что хлопкоробы им не уступят...

— Верно! — весело восхликала Гюлебатин.

Весть о необычном письме, полученному Гюлебатин, вскоре облетела весь колхоз.

Вечером колхозники собрались в своём клубе, чтобы обсудить, как ответить на письмо нефтнников. Каждый из выступавших заявил, что готов включиться в соревнование. Когда же слово предоставлено Юлебатин, она, опускнувшись, сказала:

— Мы не уроним славы нашего колхоза. Обязуемся снять на нашем участке с каждого гектара по десятицентнеров. Пусть у нас будет больше и хлопка и нефти.

Вернувшись домой после собрания, Гюлебатин начала обдумывать ответное письмо Ханифе.

Перед ней встали бескрайние белые хлопковые поля, а посередине — снежные горы пушинистого хлопка. А там, видимо, виделась ей высокий лес нефтяных вышек, поднявшийся над морем...

***

Вышки, как сказочные чудовища, упираясь четырьмя ногами в землю, гордо вились своими головами кверху. Образовавшиеся на земле нефтяные дужи напоминали чёрные мраморные плиты.

Ханифа села с тремя рабочими обслуживала буровую 242. Рядом лежали компрессорные трубы, стоял трактор. Рабочие осторожно опускали трубы в скважину.

В это время к мостике подошёл заведующий промыслом:

— Хорошее дело ты начала, Ханифа. Мы получили ответ от колхозников Атгабайдинского района. Весь район поздравляет вас с соревнованием. Поздравляю. С колхозниками буду соревноваться все нефтнники нашего треста... Он поклик руку Ханифе и передал ей письмо. В письме Гюлебатин брала на себя новые обязательства. Каждая из девушек её зоны обязалась собрать по восемь тысяч килограммов хлопка.

— Ну, вот и началось... — возбуждённо сказал Ханифа.

Заведующий, улыбаясь, поспешил на него.

— Так ты решил завтра сдать в эксплуатацию скважину? — спросил он.

Мастер 4-го промысла треста Стальненефть Ханифа Гасанова.

ТРУДОВАЯ ДРУЖБА

Салам КАДЫР-ЗАДЕ

— Почему завтра? Так мы проиграем соревнование. Сладки сегодня...

Нефтнники знали Ханифу и верили ей. Через неделю вест от его почине распространялась повсюду. Соревнование между азербайджанскими хлопкоробами и нефтнниками началось. На зону Ханифи из колхозов и с промыслов поступали бессчисленные посыпалительные телеграммы. Это его безмерно радовало и заставляло с еще большей любовью относиться к своей работе.

Наступила день, когда нужно было встретить ся со звоном Гюлебатин.

Ханифа поехала в Атгабайдину вместе с заместителем начальника треста Гусейновым, секретарём партийной организации Ахмед-заде и с группой рабочих.

Ещё не успели они въехать в село, как Гюлебатин с ярко сообщила радостную весть: Гюлебатин сегодня присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сама она была в поле и вместе с группой рабочими почтительно, очищая её от сорин грязи.

Подошли и познакомились с нефтнниками председатель колхоза, секретарь партийной организации и другие колхозники. После того как хозяева и гости взаимно спрашивались о здоровье, разговор занял о работе.

— Не только наш колхоз, но и все колхозы обязаны вам, — говорил председатель. — Инициатива товарища Гасанова оказалась плодотворной и для вас и для нас.

— Ведь так началось у нас соревнование с городом, — подтвердил Ахмед-заде.

Колхозники стали делиться своими планами на будущее. Они рассказали о том, что в ближайшие месяцы собираются посадить несколько гектаров леса и фруктовый сад. Намечается приступить к электростанции, построить баню, вспомогательные здания.

Гости почтливо осматривали поле. Коробочки хлопка, которые не раскрылись, Ханифа внимательно рассматривала коробочки и всх думал: «Кто знает, сколько таких кустов нужно, чтобы вытащить метр ткани?»

Ханифе казалось, что работа Гюлебатин куда трунее его собственной.

— Как вы укаживаете за таким количеством кустов? — спросил он у Гюлебатин.

Девушка, смешавшись, ответила:

— Как родная мать... Это не так трудно. Гораздо трунее извлечь нефть из невидимых пластов земли.

Председатель колхоза сказал:

— Кому по силам описать этих семь красавиц? Они не из тех красавиц, о которых писал Низами. Наши красавицы не только собою красавицами: прекрасны и их труд.

Если эти девушки — семья красавиц, то наша Ханифа — настоящий Фархад, — попутно Ахмед-заде, стоявший на страже интересов нефтнников.

Встреча прошла очень непринужденно и весело. Меньше всех пришлося говорить Ханифе и Гюлебатин.

На следующий день нефтнники поехали осматривать соседние колхозы. После девятидневного пребывания в районе они собрались домой.

Расставаясь, Ханифа сказала Гюлебатин:

— Желаю вам в будущем ещё больших успехов. Конечно, мы ещё встретимся и поговорим подробнее о нашей работе.

— Обязательно встретимся. На этот раз ваша работа сведёт вас в Москву, — сказала Гусейнова.

Нефтнники вернулись в Баку. Сойдя в городе с машины, Ханифа пошёл прямо на промысел.

Проверив состояние скважин, он подошёл к нефтяным резервуарам. С четырёх сторон в резервуар, как дула пушек, были направлены раскрытия жёлра двадцати труб.

Ханифа смотрела, каким обильным потоком поступала нефть, и сердце его радовалось.

Нефть текла вниз, горопясь наполнить огромные резервуары. Ханифа не мог оторвать глаз от этого зрелища. Он не мог не гордиться: здесь он видел результаты своего труда.

Ханифа вспомнила письмо, написанное к Гюлебатин. Да, соревнование широко развернулось, превратившись в соревнование города с деревней, и, ещё больше укрепило их трудовую дружбу. Это и радовало Ханифи.

Перевод с азербайджанского

Имран СЕЙДОВ

НА ВОДОРАЗДЕЛЕ

Красноармейск — небольшой городок на Волге, в тридцати километрах ниже Сталинграда. На южной окраине его начинается трасса Волго-Донского судоходного канала.

За маленькими беленными домиками городской окраины не видно ни будущего канала, ни землеснарядов, работающих здесь на выемке грунта; видны лишь горизонтальные стрелы кранов, ведущих укладку арматуры.

Но эта машина, миновав узеньку улочку города, вырывается на простор, как глазу открывается вся величественная панорама строительства. Сразу же за домами начинается стена — ветреная, необразимая. Куда ни посмотри — всюду покрытия снегом равнины; где-то вдали, на горизонте, она спускается с серым небом, и кажется, вокруг нет ничего, кроме этих однообразных степей. И только здесь, на щоссе, и в нескольких десятках метров от него, где, обозначена трасса будущего канала, лежат горы вытоптанного грунта, зарятые необычное для этих мест оживление. Снуют туда и сюда автомашин — самосвалы, навозовозы, тельям, паровозы на морозном бетоном, тяжело ухабящие, забирающие краны причалов, леториры, бензоподъемники, сидящие на портальных кранах.

Впереди — одна из первых машин широкий канал, по которому скоро из Волги в Дон и обратно пойдут пароходы. Сколько же здесь вынуло земли! И невольно думаешь о том, что прошло каких-нибудь три до сих пор начала строительных работ, а канал, протяженностью свыше трех километров, впервые уже готов.

Вспоминается, что Панамский канал, протяженностью в 81 километр, строился в течение 35 лет; Суэцкий, имеющий длину немногим больше Волго-Дона... — 11 лет... А суда из Волги в Дон пойдут уже в этом году — спустя 4 года с начала строительных работ.

Пароходы будут подниматься вверх, на высоту 88 метров, с помощьюю 9 шлюзов — на водораздел, а отсюда, через четыре шлюза, — спускаться вниз, к Дону.

Пока еще нет этих ступенек; над ними еще ходят краны, укладывая арматуру, к ним еще бегут сотни рабочих, наполняют бетоном.

У строителей спасают время, выставив под названием «Чапурниковской лестницы». Все 9 шлюзов волжской зоны канала расположены на пролете, как бы — нарубили двадцать километров.

Сразу же за Чапурниками, налево, видна небольшая речушка Червлёная. Здесь образуется водохранилище, из которого будет брать начало Ергенинский оросительный канал.

Машинист поднимается на первая. Видит горы продолговатых насыпей, из которых перепандуклировано трассе канала: это заготовлены дамбы для сооружения переходных магистральных мостов. Миновав их, машина побежала равниной. Это водораздел, высшая точка между Волгой и Доном.

Наверное, здесь, среди этих необозимых степей, вывела свои лодки из русла Червлёной, остановились бурлаки, волоком перетаскивавшие лодки из Волги в Дон; останавливались, чтобы передохнуть, осмотреть раздолбы русских земель.

Прямо — спуск к Калачу, налево — богатые, плодородные, но вымирающие из зноядных летних ветров степи.

Вскоре не будет гулить по ним сухойх. Волго-Донской канал через разветвленную систему оросительных каналов даст воду, жизни 2 миллиона 750 тысяч гектаров засушливых земель. Это по площади равно территории такой страны, как Бельгия...

Водораздел, еще недавно было только географическим понятием. Но пришли в город советские люди, и вот спустя год — другая здесь возник рабочий поселок.

На этом участке трассы канала основной вид работ — выемка грунта. Не один километр кубических метров земли — треть всех земляных работ — предстоит вынуты на водоразделе. Но удивительно: людям на строительстве почти не видно! Мощные экскаваторы цепочкой выстроились на дне трассы канала, и среди них выделяется 14-кубовой шагающий экскаватор Уралмашзавода.

Бесшумно, быстро опускается и поднимается огромный конь, размежеванные, плавными движениями поворачивается на своей си стрела, делая короткие остановки то над, котлованом, то над откосом высокой гряды насыпи. Хочется стоять, без конца наблюдать за работой экскаватора.

...К нам подошёл среднего роста сухощавый молодой человек. Он прислонялся на подиуме в машинный зал. Машинист удивился. Это Анатолий Устинов, инженер-эксплуатант. По всему видно, он уже привык к машинам. Подобранный, в котофей промасленной куртке Анатолий прочно вскакивает на мертвую пятни-лапу механизма шагания и уверенно поднимается узенькой металлической лесенкой в машинный зал, ведущий с выметкой из выметки доброго десятка метров.

— Ну вот мы и дома, говорит он, открывая дверцу. Лёгкий шум моторов заглушает его слова.

И кажется, будто мы попали в чех завода. В центре его моторы, приводящие в движение пальмовые лебедки, по величине, пожалуй, не уступающие шахтным; синхронный двигатель, выпрямляющий переменный ток в постоянный; слева компрессоры механизма шагания; впереду ходят краны грузоподъёмностью 15 тонн. К кабине управления отсида ведёт другая лесенка. Кабина — это небольшая застеклённая со всех сторон комината. Здесь нет ничего лишнего: стол, кресло для сидения, ручки управления ковшом, пульт шагания, телефон для связи со строительным участком, микрофон для передачи приказаний помощникам, наблюдавшим за работой сложнейших приборов и механизмов.

Ещё когда мы поднимались сюда, Усков успел нам объяснить, что сейчас в мире гигантский экскаватор создавали рабочие всей страны. В машинном зале он указал нам моторы и приборы, изготовленные на предприятиях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Харькова, Ташкента... Все механизмы отечественной марки.

В кресле управления — начальник смены Василий Гридин. Он спокойный, неторопливым движениями нажимает на рычаги. Она кажется маленьеньким в его широкой ладони.

Отсюда хорошо видна земля: край огромного котлована, откос насыпи в несколько десятков метров.

Вот Гридин подал правой рукой рычаг от себя. Ковш ринулся вниз, на дно котлована, экскаваторщик одновременно повторил такое же движение левой рукой, и, склоня сородязясь, кран стал натягиваться, наполняя ковш землей. Секунда, другая — и Гридин поднял голову: ковш идет вверх, весь гигант одновременно поднимается вправо. Вот ковш занесся над высокой насыпью, и земля выпадала из него, окутывая бустроем облаком пыли: 65-метровая смена опишется на этом круге и снова остановится над местом выемки грунта.

Сочетание одновременного подъема или опускания ковша с поворотом стрелы — целичный метод работы — требует опыта и искусства от экскаваторщика. Несмотря на непролитейскую практику, им в совершенстве овладели все молодые экскаваторщики, которые уже вынули более 20 000 кубических метров земли сперх плана. Цикл занимает у Василия Гридина 45 секунд. Это за смену более 600 ковшей.

— Шестьсот по четырнадцать! Сколько же людей заменят эта машина?

Но не пытайтесь подсчитывать. Люди, которые управляет этим гигантом, прекрасно знают, что они заменяют около семи тысяч рабочих-землемоков.

В каждую смену на машине работает пять человек: начальник, его помощники, мастера по агрегатам. Всего шагающий экскаватор обслуживает 15 человек. Это в основном молодые инженеры.

Лучшие экскаваторщики: Филипп Клепинин, Василий Гридин, Андрей Резеков — члены созданной на экскаваторе партийной группы.

— Вы были у компрессоров во время шагания? — спрашивал нас Владислав Клюев, комсомольец-мастер. — Не были? Тогда пойдёте... Слечус мы будем шагать... Вот зрели!

Эти люди не могут быть волнистыми говорить о машине, которой они управляют. За какой-нибудь час — другого — из узким историю гигант-экскаватора и ближе знакомы с его механизмами, да и дальше...

Два года назад вместе со своим другом Василием Гридиным Анатолий Устинов, только что окончивший Ставропольский механический институт, был направлен на строительство Волго-Донского канала. Они ехали в Калач, где находилось управление участка, по только что проложенному шоссе, кидуему волне трассы канала.

Вот здесь я впервые — говорил другу Анатолий, когда проезжали небольшой мостки на Чапурниковых — По ту сторону Червлёной были мы, а здесь занимала позиции наша дивизия...

Не предполагал, не думал тогда Анатолий, что в том самом месте, где когда-то, защищая землю от врага, он отрыл свой первый окоп, ему предстоит управлять машиной-гигантом на строительстве величайшего послевоенного сооружения, соединяющего Волгу с Доном...

Едва он приехал в Калач, его командировали на Урал: там в цехах завода уже шли работы по сооружению машины, которой Анатолию предстояло управлять первым. На заводе он наблюдал за рождением отдельных деталей экскаватора; вместе с конструктором В. И. Савченко, удостоенным с группой инженеров за создание экскаватора Ставропольской премии, Анатолий присутствовал на обороно-шахтной модели механизма вلزمов в Калаче. Спустя несколько месяцев он приехал в Волгодонск, где со своим сыном прибрал платформы с частями и механизмами экскаватора. Железнодорожных платформ было 110. Тут же, на пустынном подстанции, с помощью крана-катача машина была смонтирована, и отсюда гигант, весивший около 1 200 тонн, сам пошагал в стень, к месту работы.

Усков обучил молодых экскаваторщиков, среди которых был и его друг Василий Гридин, искусству управления механизмами.

Ни одной минуты не простоят машина. Вот кончился фронт работ: экскаватор необходимо переместиться. Над стенью раздается гудок, предупреждающий о начале шагания. Василий переходит к пульте управления компрессорами, и уже через минуту видно, как, склегка покачиваясь, экскаватор отступает от обочины котлована шаг за шагом, всё дальше и дальше...

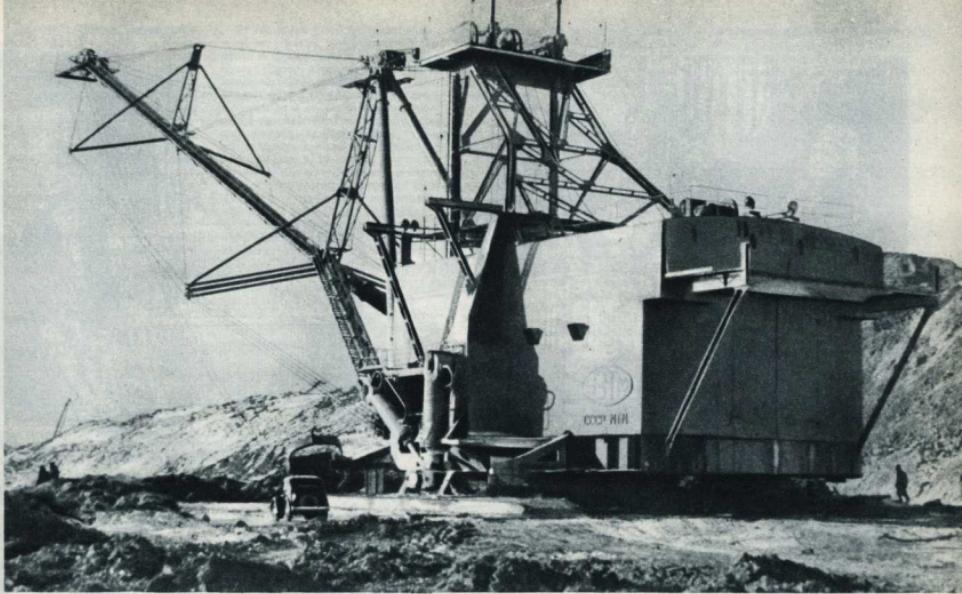
...Всё вперед и вперед продвигается по стени гигант-машина, вынуждая тысячи кубических метров плотной, глинистой земли. И за каждым ее шагом отстает огромный канал, по которому скоро пойдет Волга в Дон, из Дона в Волгу корабль. Уже видна вся чудесная трасса жизни — от Красноармейска до Камы. Воздняются плотины, бетонируются шлюзы, монтируются насосные станции...

Страна дала строителям чудесную технику. И наш народ уверен, что канал вступит в движение в установленные правительством сроки.

Пройдёт год и многое из выметки солдат, проезжая на пароходе, скажут, как Анатолий Усков...

— А вот у этого шлюза... была наша оборона... в 1942 году...

Трасса Волго-Донского судоходного канала.

Нельзя без восхищения смотреть на шагающий экскаватор — чудо техники, созданное советскими инженерами.

Фото Г. Борисова

За рычагами управления — начальник смены Василий Гридинев.

КОГДА УЛЫБАЕТСЯ РОДЖЕРС

Петро ПАНЧ

В зале уголовного суда слушалось дело Клоя Манжу. Принято много притяжательных обиняков, а еще больше — пакетов на сенсационную публику. Клоя Манжу стал героям дня. Вытигнув вперёд кривые ноги, он смысока смотрел на судью, отмахиваясь от советов защитника, равнодушно скользил взгляда по лицам родителей, и только когда встречался с глазами главаря легиона «Пурпурные сердца», лицо его выражало собачью покорность.

Судья, слушая свидетелей, надавоката, время от времена бросал сонные взгляды на подсудимого, проплывавшего полосой равнодушия к своей судьбе. Посмотрел он и на вожака легиона «Пурпурные сердца» и без слов понял его тяжёлый, неподвижный, как застывший оловянный взор. Но всё зависело от того, как будет вести себя сам подсудимый.

Клоя Манжу, казалось, не слушал ни свидетелей, ни адвоката. Лучше было смотреть в окно, за которым шумела жизнь города. По чёрному асфальту улиц бежали машины по шесть в ряд, витрины магазинов были прикрыты от солнца полосатыми тентами, на лубчевых сборках которых виделись надписи. Он машинально прочитал: «Кафе «Две обезьяны». Люди текли по панели, как мутная вода в канализации.

В окно видна была также плоская, сиявшая солнцем и постверхность прохожими. Через парапет к крытому рынку тянулись двумя серебряными нитями рельсы. Сре-

ди тяжёлых и скучных домов, окружающих площадь, выделялся один, в старинном английском стиле. Над ним развевался звездный флаг Соединённых Штатов Америки. Как раз перед этим домом началась скамейка, заполненная Клоя на скамьи, полусуяными, и он теперь время смотрел на неё.

Пронесло это за месяц до суда. В воскресенье Клоя, как истый католик и американец, пошёл с матерью в церковь. В этот день он, листая страницы молитвенника, время думал о Роджерсе. Вожак легиона «Пурпурные сердца» стал его воплощённым идеалом: Роджерс не знал жалости, он издавался над справедливостью, он отставал право на свободные проявления страсти. Этому соответствовала и его внешность: нижняя часть лица была, как подкова, а глаза — холмами и тусклы. Эти черты дали его нико то именем — Клоем.

Клоя опирался на подбородок, который чуть выпирал над большим кадыком. Но он ещё сумеет развить в себе мужество, он теперь во всём будет подражать главарю. В эту минуту кто-то бес-

церемонии толкнул его в плечо. От неожиданности Клоя чуть не уронил молитвенник. На него в упор смотрел сам Роджерс. Он молча кинул головой и пошёл к выходу. Клоя как заворожённый, заслышав склонение.

На панели, под маслинной, их окружали уже человек десять студентов в клетчатых куртках с маслиновыми рукавами. Клоя был среди них самый младший, и ему казалось, что за это его не уважают, хотя он был длинноволос и силён физически. Роджерс вытянул вперед правую руку:

— Приветству!

Студенты, как по команде, выбросили вперёд правые руки со скрещенными кулаками:

— Живи, Роджерс!

— Господи, общество «Прогрессивные граждане Америки» созывает вас на протест!

Долой прогрессистов! — зардал студент с волосятами кулаками.

— Побереги голос, Брент. Всё говорят?

— Веди, Роджерс!

— Этого недостаточно! Лумис,

чтобы в двенадцать часов возле крытого рынка был паровоз. А ты, Джеральд, достань двадцать грузовых машин. Арман Сируа, вызывай легионеров.

Площадь заполнила разношёрстная публика, но большинство мужчин было в восьмидесятых костюмах, которые обычно носят состоятельные рабочие, продавцы магазинов и клерки. Перед домом в старинном английском стиле

стояла трибуна, сделанная из пустых ящиков. На ней один за другим появлялись какие-то люди из одногородской администрации, произнося перед микрофоном свою речь, на которые также по-разному реагировала толпа. В разгар митинга на рельсы, ведущие к крытому рынку, вылез паровоз. Разрезав толпу пополам, он остановился на посередине площади и начал пронзительно свистеть, к нему присоединялся перво грузовой машин. Затем в толпу врезалась группа легионеров. Почти все они были в клетчатых куртках. Впереди выступил угрюмый Роджерс, держа правую руку в кармане. За ним шли клином легионеры. Все они также хмурили брови и также держали правые руки в карманах.

Дорогу в крытый рынок — Слышали макаков, дорогу!

Смуглый макак в тирольской раздраженно огляднулся через плечо: — Молодчики! Вам здесь ничего делать!

В руке Роджерса блеснул кастет. Тиролька свинцилась на глаза, и смуглый человек упал на мостовую. Вокруг закричали:

— Бандиты! Позор! Почему нет полиции?

Еще несколко кастетов мельнуло в воздухе. Крик усилился, но полиция не появлялась. Молодчики из легиона «Пурпурное сердце» прошли вперед и сказали: «Мы пока не притесняем на трибунах. Именно в это время на смену рабочему со следами копоти в глубоких морщинках лица к трибуне двинулся глубокий старик, которого поддергивал под руку юноша с комбинезоном.

— И этот хрыч с ними?! — крикнул Роджерс. — Клод, успокой старика.

Клод давно ждал случая проявить себя перед легионерами. Он скзал зубы и уже замахнулся кастетом, но замер, услыхав: «Погодите!» — отозвался профессор Джексон — известный на весь мир учёный. Клод смущался и испуганно заморгал, как школьник, который стоял у классного наставника. Роджерс нахмурился: «Брови:

— Сириус, вытряхни мальчику слёзы!

Клод всхлипнул, глаза его налились кровью, но Сириус бесцеремонно оттолкнул его в сторону, также бесцеремонно отбросил от Джексона юношу-проводжатого и неожиданно натолкнулся на огромный кулак, который вырос у самого Тита. Тит — профессор Джексон, шатаясь на старческих ногах, взвился на трибуну. Легионеры зорвали на всеяды, чтобы заглушить его слабый голос, но Джексон, не обращая на них внимания, подошёл к микрофону и сказал:

— Граждане американцы! Мы стоим перед домом «Зап независимости», перед символом свободы, завоеванной нашими предками для Соединённых Штатов. И вот нашу свободу хотят растоптать свиньи копытами подобных молодчиков... Им, видно, всё ещё синтится фашизм... Если мы не хотим возникновения новой войны, надо бороться за демократическую свободу...

Роджерс помоскался на Брент, и тот закричал, перекрикивая даже паровозные свистки:

— Жизнь есть борьба, борьба есть война, война — это жизнь!

— Да здравствуют «Пурпурные сердца»! — зорвали его приятеля.

Держа руку в кармане, Роджерс уверенно взошёл на трибуну, оттолкнув от микрофона профессора и подняв кулак:

— Приветствуя! Митинг окончен! — из-под нахмуренных бровей смотрели холодные, как ладьины, глаза, на склонах выпирали желваки.

Но толпа не шелохнулась. Роджерс снова поднял руку:

— Ну...

Но ни театрально поднятая рука, ни перескок на трибуну, лицо не действовало. В толпе никого не удивляло, словно ожидая всякой развязки. В это время на плечи Роджерса легли чьи-то руки. Он повернул голову и перед самыми глазами увидел сурое лицо со следами копоти в глубоких морщинах. Некоторое время они смотрели друг на друга. Роджерс не выдержал взгляда спокойных глаз, прикрытых пучками бровей, и резким движением хотел сбросить чужие руки, но они ещё крепче сжимали его и повернули к микрофону:

— Продолжай, молодец! Хотите погреть руки на войне? Всеми яром правите! А рабочий пускай привнесёт за вас кровь?.. Не выбудет, голубчики. Долой фашистских ублюдков!

От сильного пинка в плечо Роджерс не сбежал, а скатился с трибуны к ногам юноши в комбинезоне. Толпа заволновалась. Над головами молчаливых замелькали кулаки. Клод Манжу, втянув голову в плечи, сжался, как котенок, сжался бекеша. Растрёпанный и захваченный, он остановился только за крытым рынком. Следом за ним выбежали, боязливо озираясь, Роджерс, Сириус и Лумис. Они где-то потеряли свои береты, а с ними утратили и свой воинственный вид. К площади на мотоциклах спешила полиция. Роджерс только заскрипел зубами. Увидев Клода, который прятался за углом магазина, он смерил его презирательным взглядом:

— Сириан! Ты, верно, и болоу бонища задушуешь?

Клод возвращался домой. Его мумия не жара, от которой пот заливал глаза, не перегреты пары бензина, от которых захватывало дух, а пререзие Роджерса. Вождь назвал его слыщиком. Большую обиду трудно было себе представить.

В иные дома перед ящиком курчавый мальчик весело выступкал щёкими марши, играя белками на мистере.

Мистер, у вас заплылины туда! Помчишь?

Клод машинально поставил ногу на ящики. Ему просто захотелось постоять в тени. Обида на Роджерса душила его. Хоть бы он сказал что-нибудь, а то ведь смышили и Сириуса и Лумиса...

— Готово! — выкрикнул мальчик и пристукнул щёккой.

Клод посмотрел на блестящие

туфли, потом на жизнерадостного малютчугана, и это весёлое лицо еще больше разозлило его:

— Чего зубы скрипят? Разве так чисты? — он поднял ногу и вытер туфлю о голову мальчишки. — Теперь будет блестеть!

Мальчик криво ульбнулся и рукой отодвинул Клод.

— Ты склоняешься ко мне чёрной лягушкой? — он размахнулся и ударил мальчика ногой прямо в лицо. Чистышик скользнул за губы, упал на спину, а Клод, заложив руки в карманы, равнодушно пошёл дальше.

Приди домой, Манжу увидел во дворе Пита, сына их хукари, который был немного светлее, чем его чёрная мать Лу. Он гонял по двору футбольный мяч и, увидав Клод, окликнул его:

— Хэлло, Клод, привет!

Манжу сразу забыл все свои неприятности и принялся бегать за мячом. Когда он вспомнил, что своей спутницей является Питера, взволнованно покликнул его вдогонку. Клод почувствовал под руки томенную щёчку и словно оьяньял. Питер уже посинел, руки его бессильно повисли, а Клод продолжал душить и с выпученными глазами кричал, словно вёще оправдывался перед Роджерсом: «Задушу... задушу... смотри, проявлений!»

До его уха долетели слова за-шлюхи: «Он еще ребёнок».

Клод Манжу оторвался от окна и азартно, с выражением, которое могли присутствовать. Они были довольно выступлены его автаком, который виртуозно доказывал, что проприятия только нечастный случай и никакого злого умысла со стороны Манжу не было. Был доволен и судья, только Роджерс стоял нахмурившись, и Клод поймал в глазах вожака тут же самим взглядом, что же выражение, какими Роджер наградил его волю крытого рынка. Клод всхлипнул, вскочил с места и закричал в лицо за-шлюхи:

— Неправда! Вам ждёт, лягушка!

Адвокат, всеми уважаемый юрист, растерянно посмотрел на родителей Манжу. Мать, отступив, уткнулась в мокрый платок, отец раздраженно стиснул кулаки. В зале громко заговорили, зашумели. Судья, красный от усердия, призывал к порядку и knew чину:

— Подсудимый, подойдите к столу и положите два пальца на молитвеннике!

От окрика судьи Клод смущился и послушно положил пальцы на молитвенники.

— Теперь скажите, подсудимый, вы ведь не хотели нарочно задуть Питера? Верно ведь не хотели?

Клод менялся в лице. Судья словно подавлял его взглядом, и он, всхлипывая, сказал:

— Нет, я не думал его... Он сам...

Судья зажмурил глаза:

— И я так думал, что вы не стали бы марьть на него руки.

Клод взглянулся на родителей, они вздохнули от облегчения, только матер. Питера гримко заплакала, но на неё никто не обратил внимания.

Клод боязливо покосился на во-жака легиона «Пурпурное сердце». Роджерс, не оглядываясь, продиралась к выходу. Клод всхлипнул, как смола на огне, и закричал ему вдогонку:

— А может быть, и хотел! Я на-роочно задушил Пита, слышите? И еще могу задушить десять, сто таких, как он! У меня хватит му-жества. Я вам в слизни какой-нибудь!..

Роджерс остановился. Захлебнувшись словами, Клод был молитвенником по ступе. На лице вожака «Пурпурных сердец» нахо-ней появилась довольная ульбка.

Авторизованный перевод с украинского
Е. РОССЕЛЬ

— Смотри, как я бы!

Мяч, как пуля, полетел в откры-тые двери гаража. Из них побежал Пит, следил Клод. В гараже боль-шого никого не было.

— Что ты сказал! — прогово-рил Клод. — Повтори!

— Ты и болоу не поймаешь! — беззаботно повторил Питер и при-нялся водить мяч ногами.

Клод сжал кулаки, его засыпало теплое обогревающее счастье, по цепким пальцам всё сильнее и сильнее скжимали ему горло. Он стал задыхаться и уже судорожно выманивал руки и ноги: Клод по-чувствовал под руки томенную щёчку и словно оьяньял. Питер уже посинел, руки его бессильно повисли, а Клод продолжал душить и с выпученными глазами кричал, словно вёще оправдывался перед Роджерсом: «Задушу... задушу... смотри, проявлений!»

До его уха долетели слова за-шлюхи: «Он еще ребёнок».

Клод Манжу оторвался от окна и азартно, с выражением, которое могли присутствовать. Они были довольно выступлены его автаком, который виртуозно доказывал, что проприятия только нечастный случай и никакого злого умысла со стороны Манжу не было. Был доволен и судья, только Роджерс стоял нахмурившись, и Клод поймал в глазах вожака тут же самим взглядом, что же выражение, какими Роджер наградил его волю крытого рынка. Клод всхлипнул, вскочил с места и закричал в лицо за-шлюхи:

— Неправда! Вам ждёт, лягушка!

Адвокат, всеми уважаемый юрист, растерянно посмотрел на родителей Манжу. Мать, отступив, уткнулась в мокрый платок, отец раздраженно стиснул кулаки. В зале громко заговорили, зашумели. Судья, красный от усердия, призывал к порядку и knew чину:

— Подсудимый, подойдите к столу и положите два пальца на молитвеннике!

От окрика судьи Клод смущился и послушно положил пальцы на молитвенники.

— Теперь скажите, подсудимый, вы ведь не хотели нарочно задуть Питера? Верно ведь не хотели?

Клод менялся в лице. Судья словно подавлял его взглядом, и он, всхлипывая, сказал:

— Нет, я не думал его... Он сам...

Судья зажмурил глаза:

— И я так думал, что вы не стали бы марьть на него руки.

Клод взглянулся на родителей, они вздохнули от облегчения, только матер. Питера гримко заплакала, но на неё никто не обратил внимания.

Клод боязливо покосился на во-жака легиона «Пурпурное сердце». Роджерс, не оглядываясь, продиралась к выходу. Клод всхлипнул, как смола на огне, и закричал ему вдогонку:

— А может быть, и хотел! Я на-роочно задушил Пита, слышите?

И еще могу задушить десять, сто таких, как он! У меня хватит му-жества. Я вам в слизни какой-нибудь!..

Роджерс остановился. Захлебнувшись словами, Клод был молитвенником по ступе. На лице вожака «Пурпурных сердец» нахо-ней появилась довольная ульбка.

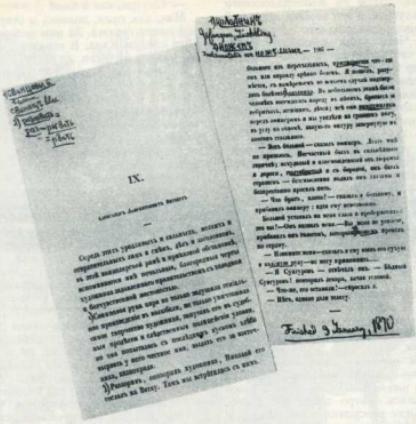
— А может быть, и хотел! Я на-роочно задушил Пита, слышите?

И еще могу задушить десять, сто таких, как он! У меня хватит му-жества. Я вам в слизни какой-нибудь!..

Роджерс остановился. Захлебнувшись словами, Клод был молитвенником по ступе. На лице вожака «Пурпурных сердец» нахо-ней появилась довольная ульбка.

Он размахнулся и ударил мальчика ногой прямо в лицо...

Фотокопии страниц книг русских писателей с пометками и замечаниями Карла Маркса.

РАБОТА КАРЛА МАРКСА НАД КНИГАМИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс, оба знающие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским национальным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами».

Карл Маркс начал изучать русский язык, когда ему было больше пятидесяти лет. Его побудило к этому желание изучить в подлиннике русские книги и официальные документы, которые царское правительство запрещали опубликовывать. Преданные друзья доставляли им Марксу из России, и он был единственным представителем рабочего класса, который тщательно изучал русский язык. В письме к редактору «Отечественных Записок» в 1877 году Маркс писал: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету».

Русский язык для Маркса был очень быстро — ума через нескончаемые страницы он начал читать русские книги. К Марксу научил русский язык по книге «Былое и Думы» А. И. Герцена, по которой работал и Энгельс. Позднее, Маркс хотел познакомиться с имевшимися на полках книги по памяткам Энгельса, с его переводами русских слов. На последней странице книги есть пометка Маркса о том, что он закончил работу «Финансы 1877».

В одном из своих писем в 1871 году Маркс писал: «Мне пришлось самостоительно заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно легко».

Вильгельм Либкнехт писал в своих воспоминаниях о глубоком знании языка К. Марксом, о его методе работы над языком: «Маркс знал русский язык, Маркс знал существование языка, он понимал, что произошедшему, разумению, и структурой, то изучение языка давалось ему очень легко. Главное значение Маркс придавал чтению книг на новом для него языке. Обладая редкой памятью, ничего не упускаящий, Маркс быстро усваивал словарный материал и говорил речи наизусть».

В короткое время он изучил грамматику и основы языка и словообразование русского языка. Грамматику эти видел из заметок в его тетрадях — К. Маркс прошёл основательно и последние главы книги Герцена читал свободно, сравнительно редко прибегая к словарю. В последующие годы Маркс систематически работает над русскими книгами, изучая их, делая на полях замечания, сноски незнакомых ему слов.

В его библиотеке находилось несколько сот русских книг, среди них большая часть книг и статей великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского.

В течение многих лет К. Маркс следил за русской художественной литературой, которую он всегда высоко ценил. Изучая Чертышевского, Маркс одновременно читал стихотворения Некрасова, печатавшиеся в «Современнике».

Продолжая описание статьи Добролюбова, Маркс писал: «Как писатели яставил его наравне с Леским и Диором».

Маркс внимательно прочитал сочинения М. Е. Салтыкова-Шедрина: «Убийца Монро», «Под рукою» и ряд других. На полях этих книг К. Маркс делал свои многочисленные замечания.

С большим удовольствием читал К. Маркс русских поэтов, прозаиков и критиков, особенно высоко ценил Добролюбова, Пушкина, Гоголя, Шедрина.

Я. ИППОЛИТОВ

Лев СОРОКИН,

участник совещания молодых писателей

ВСЕГДА С НАМИ

Я лишь читал про лютые морозы, что были в том печальном январе, Не видел я отца скучные слёзы И траурные флаги во дворе. Меня ещё и не было на свете.

Когда прощальный зал открылся...

Но Ленина не только на портрете — Я часто в жизни видел и встречал:

Ходил я в детстве в Ленинскую школу, Меня учили жить по Ильичу,

И потому здания комсомола, Все трудности мне были по плачу.

Потом я помню выстры и плахи, И не подняться, кажется, с земли.

Тогда вперёд разёрнутое знамя Гвардейцев гордо пронесли.

Всё заглушило вдруг сердце именье. Я это вижу, вижу и сейчас:

В огне разрывов, в горахе сраженья Глядел Ильич со знамени на нас.

Так началось одно из наступлений. Бойцы мгновенно ринулись в штыки, Их вёл в атаку сам товарищ Ленин На чёрные французские полки.

Я вновь тружусь с друзьями боевыми, Он нам и здесь помог быть впереди.

Да, словно сердце, Ленинское имя

Всегда со мной, всегда в моей труде. А годы наши — в коммунизм ступени,

И с каждым днём светлея на земле. Когда теперь я слышу имя Ленина,

Я сразу вижу Сталина в Кремле.

ПОСЛЕ СМЕНЫ

Радостно сегодня на заводе:
Вновь досрочно выполнен заказ.
Эшелон с продукцией уходит
На Каховку, может быть, сейчас.

В проходной ремесленник курносый
Каждому старается сказать,
Что он тоже делал землемесы,
Что работа — знаете? — на пять!

И невольно плачи расправляет
Мастер старый, токарь пожилой..
Вдалеке составы пролетают
В Сталинград, в Каховку, на Узбай...

ДЕВУШКА

Ты рванулась радостно навстречу,
Но глаза, красные, отвела,
Будто бы

случайно

в этот вечер

Ты на нашу улицу пришла.

Мы с тобой до полночи пробродим,
Ты сидишь не назначишь мне,
Но замечу завтра на заводе,
Что сильнее стану я вдвойне.

И пойму: не жить без новой встречи,
Связана невидимая нить!
Ты прости, но буду каждый вечер
Я к тебе случайно заходить!

Н. РОМАНН.

На Сенеже.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года.

Н. Ромадкин.

Вл. СОЛОУХИН

Земля росная

(ИЗ ВЕСЕННЕГО ДНЕВНИКА)

Первый луч могучего восхода
Пробивает утренний туман.
Голубые мартовские воды
Утекли в земные закрома.
Пропитаться силой земляной,
Как вино, в земле перебродить.
Эту землю летнему порою
Им придется в золото рдить.
Эти воды, спящие под степью,
Что лежит черным еще черна,
Брызнут к солнцу в трубчатые стебли
Золотым облаком зерна.
Встанет рожь высокую стеной,
Оживут, осыпаются сады,
И обновятся силой земляной
Яблони краснобокие плоды.

Полгода снегом занесен
Наш край. И залы у нас метели.
Зат какий веселый звон
У первой солнечной капели!

Снега становятся синей,
И хрупкий наст, как сахар, тает.
Идет весна, и вместе с ней
К нам песни птичьи прислает.
Тогда река ломает лёд,
Земля дышит и жаждет зёрен,
В земле оттаял, и растёт,
И шевелится каждый корень.
Выходит к солнцу соль земли
Травой, листвой, вишневым цветом,
Гудят тяжёлые шимши.
Идет работа, пахнет летом!

И в дни великого цветенья,
Весенний радостной порой,
Так болно видеть запустенье
Хотя б клочки земли родной.
Где солнце трогается впластую
И пропадает зря вода,
Где влагу, добрую, живую,
В себя вбирает лебеда.

А был пустырь в колхозе нашем,
Крапивный весь, бурьянный весь,
Бугры да ямы — не распашены:
Песок когда-то брали здесь.
Гектара два земли, не боле,
Но всё ж земля пустует всё ж.
И наш комиссар Закатов Коля
Собрал в правление молодёжи.
А жили мы семью дружной.
«Нам по паску», — сказали мы.
Пустой земли земле не нужно.
«Да будет сад», — сказали мы.

Особо дружная весна
В тот год была: всё жило, пело,
На месте каждого зерна
Живая травка зеленела.
Круглое время посенней.
С утра до вечера brigady
За хлеб вели упорный бой,
И молодёжному отряду
Быть надлежало впереди.
А как же сад? Ведь тоже надо.
Но так сказала комиссар Закатов:
— Что ж, дело ясное, ребята,
Теперь ночами что? Луна.
Травника каждая видна.
Ступай, Егор, зови девчат.
Работать будем по ночам.
Но будут яблони цвести

Ветка яблони «комсомолец».

Всесоюзная художественная выставка 1950 года.

И от обилья гнуться в кольца.
Нас было меньше десяти,
Но все мы были комсомольцы.
Как мы работали в те ночи,
Чтоб обновить тебя, земля!
А утром, труд ночной окончив,
Мы шли с бригадами в поля.
Как мы работали в те ночи,
Встречая песнями рассвет!
Мы, молодёжь, а, между прочим,
Работали с нами старый дед,
Который знает толк в садах,
Который сам пришёл сюда.
И тем горды и тем мы рады,
Что так трудились в эти дни
Мы не за высшие награды
И даже не

за трудодни.

Трудились семьёй подряд
Мы для того, чтоб вырос сад,
Чтоб счастливей жили люди.
И кто-то дедушку спросил:
— А сколько вёсен нужно будет,
Чтоб этот сад набрался сил?
Чтоб весна расцвела, налилась весь?
— Как вам сказать, да весен шесть.
И стало тихо в стане нашем,
И спросил сядь тишину:
— Ну, хорошо. А виду, папаша,
Ты не дождёшься той весны?

Тогда за что же вместе с нами
И ты, старик, не спиши ночами?
Он так ответил на вопрос:
— За что и вы: чтоб сад врос...
И сад врос — садам на двоих!
И через пять недолгих лет
В нём груши, яблони и слизви
Раскрылись смад наливания,
Что пропадала раньше зря,
Что отдала ему родная
И благодарная земля.
И нет другой завидной доли,
И ничего дороже нет,
Как жить на ней и выйти в поле
В часы, когда идёт рассвет.

Рассвет идёт. Роса упала
На хвойный лес и на траву,
И всё, притихнув, ждёт начала,
И всё готово к торжеству.
В лесных верхах готовы птицы,
Пчела готова у лётка,
Цветы готовы распуститься,
Ещё озябшие пока.
В лугах туманы закуялись,
Но солнце выплыло — и вот
Пчела летит, цветы раскрылись,
Ликуют птицы — день идёт!
Весенний день, большой и звонкий,

И, набирая высоту,
Трепещут в небе жаворонки:
Земля в цвету!
Земля в цвету!

Земля! Она везде могучая,
Она повсюду дает росток
И даже там, где только жгучий
Пустыня безжизненный песок.
Она везде б цвета хлебами,
Садами всюду бы цвета,
Но только трудно ей mestами
То бес воды, то без тепла.
То солнце ждёт и сушит кроны,
То всё живое губят снег,
Слепые властелин законы,
Но ты разумен, человек!
Ты сделал часть земли свободной,
Так помоги ей жить, земля.
Напиться дай, когда безводна,
Когда во льдах — согрей в тепле.
Семян рассыпь в пласти пустыне,
Леса от зноя иссади,
В траву, в хлеба, в сады густые
Её любовно обряди.
Покрай пески обильем пашен,
Осущестии свою мечту.
Пускай стоит Отчизна наша,
Как эта яблоня, в цвету!

Перед грозой.

Н. РОМАНН.

Ветер в Акулове

Нал полем памы синий дымок суморек. Несмотря на сгущавшуюся темноту, взлан, у леска, пологий склон поди чётко дама небо от земли. Там, на горизонте, свистали огни Грибовской селекционной станции. В окне соседнего дома загорелась лампочка, свет жёлтой полоской узла на снег.

Проводник лектория, Павел с минуту постоял у крыльца. Было слишком, как в изб-читальне ребята убирали, складывая в один угол, стулья.

— Под радиолу танцевать будем? — громко спрашивала кого-то Нина Лебедева. — А то Славен говорил, будто Сергей из Озёра приеде с гармошкой — поиграет...

— Он не приедет, его нужно привезти, — ответила ей кто-то.

Барыкин сунул в карман зажигалку, доеставил до него, и невольно задумалась. Ему вспомнилось, как год назад он впервые пришёл в Акулово. Секретарь Кунцевского горкома комсомола, привозя его, доложил говорни о трудностях, но не скрывал ничего скрывать от Павла: комсомольская организация на селе состоит из пяти человек, изб-читальня не работает.

Он подобралась, обещая помочь.

Приехал в Акулово, Павел прежде всего пошёл в изб-читальни. У входа раскачивалась на ветру проржавевшая жестянка дощечка с надписью: «Акуловская изб-читальня». Защёл, посмотрела. Давно немытый пол, голые стены, печь посередине, заслонявшая окна; ворз двери, где теперь «артистическая», стоял выкрашенный синей масляной краской библиотечный шкаф с восемью книжками... Ведь было в осени книга! Сколько же теперь? Тылько Павел не знал, сколько пойти и взглянуть на свой хозяйствство ещё раз и именно сейчас, будто он не доверял своей памяти...

Рядом закричала снег, кто-то шёл. Осторожно перебиряя лады двухрядки, из-за угла показалась невысокий парень. Левой рукой он приподнял над головой шапку:

— Не запоздал?

— А-а, Сергей! Да нет, в самый раз, — сказал Павел и, увидев рядом с ним Виктора Горюнова, нахмурился. — Ты почему на лекцию не пришёл? Не касается?

Сергей ёщё в сенцах разыграл атласные межи своей «хромки», занягра албомный мотив из «Кубанских казаков». Прягнувшись, словно боясь зацепиться головой о низкие притолоки двери, вошёл в хату и, покачиваясь в такт мелодии, закивал на приветствия.

Нина Лебедева, звеньянья комсомольско-молодёжного звена, поблескивая быстрыми карими глазами, подошла к нему:

— Сыграй «русского», Сережа. Аня, выходи!

Аня — лучшая плясунья. Зная это, она поднялась без излишней торопливости. Прорвана, ладная, она стала напротив подруги и, склонив кофточку, выжидая такт.

Вместе первого наказания плясать бы тебя заставить, — сказал Павел, входя в изб-читальни вместе с Горюновым. — Как ты думаешь?

— Ну, что ж! — крикнула он и, синя пальто, пошёл в пляс.

Павел с любовью смотрел на Горюнова. Как-нибудь шесть — семь месяцев назад этот, в существе никакой пиджак, по-другому держал себя. Не говоря уж о том, что он был председателем в клубе, он старался уклоняться от коллектива, от албом общественной работы. Часто его видели направляющимся к станции в компании приятелей, в лёгком пиджаке, во всё горло раслевавшим разгульственные частушки.

И вот однажды весной был объявлен молодёжный воскресенник по посадке колхозного сада. Из трёх колхозов, объединённых к весне в один, собралось членов тридцать молодёжи. Председатель колхоза, в коротком ватнике, бегал от одной группы ребят к

другой и что-то громко объяснял. Барыкин со своим звеном шёл на отведённый участок и вдруг у пластины увидел Горюнова. Подбоченясь, тот стоял без лопаты, ожидал их прихода, и умылся.

— Здорово! — крикнул Барыкин Виктору. — Как работаетесь?

Горюнов сунул глаза, понял насмешки Павла, а потому вызывающе ответил:

— Посмотреть пришёл на тебя. Ты уж не гони!

Барыкин, кинув в сторону робот, с которым он шёл, сказал:

— Присоединяй к нам, поработаем. Сердце-то не болит?

Заодно и на меня поглядиши: разрешается.

Это было уже не первое их столякование, но Павел настойчиво шёл на сближение. И в конце концов добился своего. Когда начались занятия в комсомольско-молодёжном кружке по изучению устава ВЛКСМ, Виктор Горюнов одним из первых изъявил желание быть его слушателем.

Вскоре несколько ребят подали заявления о приёме в комсомол. В Акулове была комсомольская организация, но настолько малоизвестная, что о серйёзной работе не могло быть и речи. Постепенно с каждым днём она началась.

И совсем уже недавно, передавая протокол комсомольского кружка по приёмке в комсомол очередной группе юношей и девушек, Павел говорил Георгию Рыбенкову — первому секретарю Кунцевского горкома ВЛКСМ:

— Ребята хорошие. Работать с ними хочется...

Рыбенков слушая его, забоченно гладил узкой ладонью крыльца столя.

— Так... Сколько сейчас человек у тебя в организации? — спросил он и, услышав, что двадцать пять, приподнял брови, точно собираясь: много ли это. — Что же, за год организация выросла пять раз. Очень хорошо, очень...

Тоня, будешь петь?

Сотней тяжкую чёрными волосами, склонился к раздвижным межам, они мягко, беззвучно сошлись. Вместе с первым звуком подняла голову, чтобы лучше посмотреть взглядом.

Звонко запела гармонь. Взмах высокую, дрожащую поту, отдалась куда-то, потом голосисто пошла взвесен с песней. Тоня Дроздова пела, широко улыбаясь:

У куста налины
Опадает цвет...

Напряжённый голос делает свободнее, сильнее:

А любовь денежки
Не проходит, нет...

— Ты что не пойшь, библиотекарь? Вот уж дала тебе забота рваться в книгах, когда не надо. А ну, давай! Да, кстати, не забыть что в пятницу читка «Заря»? Как у тебя с делами, не путаются?

Павел легко вскочил на сцену, хмури брови, взял из рук девушки раскрытую книгу.

Сейчас нет, Павел. Кстати, в пятницу должна быть кино-брюдяда. Как же?

— Пустим сеанс ровно в восемь. Я им передам.

***

Ветер с полей гонит сухой снег. На бугре, у шоссе, вихрят его, рассыпая по заледеневшему асфальту. Иногда с веем проносятся машины, поднимая кривляющуюся снежной пыль...

В селе Акулове, растигнувшемся вдоль Можайского шоссе, гаснут огни.

Только изб-читальня светится всеми пятью окнами. С Акулово, Кунцевского района, Московской области.

Молодые колхозники слушают беседу заведующей лабораторией Грибовской станции А. В. Валиновой о проверке семян перед севом.

Секретарь комсомольской организации, избач Павел Барыкин проводит беседу с молодёжью колхоза.

ЧИТАТЕЛЬ

Общий вид Пружанской сельскохозяйственной школы.

Фото А. Шайхета

ОТКРЫТИЕ ДВЕРИ

На окраине районного центра Пружаны стоят красивые особняки. Некогда он принадлежал польской графине. Крестьяне боролись и их дети боролись эти дома, сделанные из дерева, камня и барсуком, усадьбе. В годы войны они были захвачены и устроены в дома застонавших фашистского гестапо. В них избивали и мучили невинных людей.

После изгнания немецких захватчиков дом был превращён в очаг науки и культуры. С тех пор в нем работают Совет Министров Белорусской ССР в нём была организована горничная государственная сельскохозяйственная школа. Сотни юношей и девушек из Брестской области пришли сюда, чтобы стать специалистами по сельскому хозяйству.

За непролongительное время существования школы подготовлено около 200 высоквалифицированных полеводов и животноводов. Они работают теперь в районах Брестской области — Борисовском и Гродненском. Например, Геннадий Петрукович из колхоза «Ленинский путь», отлично окончивший школу, сейчас участником агротехнического района Брестской области. Геннадий Петрукович — «обогнан» — заслуженный работник сельского хозяйства района. Большинство молодых специалистов после учёбы вернулись в свои колхозы, успешно выполняют возложенные на них обязанности.

Учебные занятия ведутся на большие теоретические и практические занятия. В их распоряжении государство предоставило новейшую сельскохозяйственную технику: электротрансформаторы, самоконтролирующие и другие механизмы. Школа имеет лаборатории, находящиеся в 149 километрах, на котором размещено шесть сеялок-борона: полевой, транспортный, нормировально-полярный, овоще-бобовый.

Школа располагает большим количеством инструментом. В ней собраны различные культуры, овощи, культуры и травы, культуривирующиеся на полях Белоруссии, Украины, и центральных районах нашей страны. Обучение молодых специалистов ведется на факультете, находящемся на экономико-учебном факультете сельскохозяйственной и зоотехнической науки. Опытные преподаватели и практикующие землемеры с любовью передают им свой опыт и знания. На работу партии и правительства учащиеся-полеводы отвечают отличной учебой, а после окончания школы — самоотверженным трудом на полях.

г. Пружаны, Брестской области,
Белорусской ССР.

Занятия животноводов и полеводов.

Т. ГУНИН

Салников-Шварц никогда говорил: «Для писателя нет большой награды, как иметь публику, которая настолько ему верит, что даже от времени до времени удостаивает его непосредственным с собою общением». Вспомним эти строки гениального классика, советские писатели, вероятно, лишний раз порадуются своей счастливой судьбе. Как благородно, как честно одно из постоянных непосредственное общения с читателем! В прошлом году журнал «Октябрь» ещё не закончил печатать первый роман молодого писателя Анатолия Рыбакова, ныне лауреата Сталинской премии, «Водителя», как в редакции стремительным потоком пошли письма читателей. Прошёл год, роман издан отдельной книгой. Читательские конференции, обсуждения, коллективные читки романа проводятся во всех уголках страны. Автор продолжает получать письма.

Читатели благодарят писателя за то, что он написал книгу, поучительную книгу, «которая от начала до конца волнует и увлекает», «которая заставляет думать, зовёт работать лучше и лучше». Шофёры, солдаты, студенты, библиотекари приглашают автора на обсуждение романа. Из фундаментальной библиотеки Борисовского государственного университета сообщают, что студенты пишут дипломную работу по «Водителю», литературный сотрудник саратовской газеты «Коммунист» заочник филологического факультета Саратовского университета Ю. Вишневский пишет о «Водителе» роман, а студент Борисовского университета пишет о «Водителе» и работе одного рядового соцсетного предприятия — автобусы — перейти к большим и верным обобщениям».

В самом деле, ведь раскрывая жизнь Загрижской автобусы, рисуя будоражителей с людьми отсталыми, с бюрократами, показывая познание труда водителей, Рыбаков отразил в своем произведении советскую литературу, со всем ее колоритом. Автор называет Ю. Вишневского «лучшим автором романа», пишет он, — и в том, что же сумел от показа жизни и работы одного рядового соцсетного предприятия — автобусы — перейти к большим и верным обобщениям».

Почему же так полюбился этот роман, посвящённый трудам и дням Загрижской автобусы, столицам прошлого кругу читателей, разных

ВЛАДИМИР

Беру его том,
как паспорт времени,
Строфи —
годы пронизывают.

И вижу его
вместе со всеми,
и изумлен в коммунизм...
Он входит в цеха

и движет станки,
сердца заставляет
сильнее биться.
Хорошо молодежи
жить,

работать,
учиться.
Он с нами прошёл
сквозь грозы

атак,
и пламя, и гром непогоды;
он рядом шагал,

как уральский танк,
как воин гвардейского
взвода.

Маршем строка
чекамила
шаг,

И КНИГА

Воспитательная сила книги обуславливается эмоциональной насыщенностью её.

Л. Н. Толстой говорил, что деятельность искусства основана на «способности людей заражаться чувствами других людей». Талантливо раскрытыми переживаниями положительных героев этого романа, их любовью к своему делу, к советской Родине, их гуманности, их творческими способностями, их ненависти и презрению к капитализму, к слабоумным эгоистам, заражают читателя, воспитывают его.

Шоферы-стотысячники автомобилизации Сокозагарттона (Латвия) Эвард, Бужеко и Ирбе рассказывают о том, какое впечатление произвёл на них герой романа, молодой водитель Дёмин: «Когда читаешь, с какой любовью он относится к своей машине, с каким искренним вспоминанием он говорит о геронческих делах советских людей, хочется ещё лучше работать, быть похожим на Дёмина... В нашей среде проезжают авторы письма — есть ли среди них шоферы с меломанским эстетическим стремлением, для которых превыше всего их личные дела. Очень помогает в борьбе с подобными людьми показ в романе шофера Максимова. Писатель сумел, так обрисовать жизнь и действия Максимова, что теперь, когда на автобазе шофер совершил неблаговидный поступок, ему говорят: «Тебя Максимову кланялся...» Не очень удобно чувствовать себя шофером, который дает кличу «Максимов» и т. д. Этому, нам кажется, большое воспитательное значение имеет роман «Водитель».

Начальник библиотеки Дома офицеров старший лейтенант Белоголов рассказал: «Я был участником партийного собрания, где однотипный подпольщик-хозяйственника, будущим относящегося к своему делу, сравнили с Капуниковым. Это говорит о том, что Вы своим романом «Водитель»

оказываете советской и партийной общественности огромную помощь в борьбе с пережитками капитализма, люди будут лучше видеть и Капуниковых и Вертильных. А у таких героев, как Поликаков, Тимошин, Дёмин, Королёв, советские люди многому научатся».

Читатели спорят с автором романа, отмечают недостатки его, детально разбирают роман.

Приглашаем писателя, выступления, читателей, всех интересующихся архивом и историческим материалом, лишний раз убеждающими в том, как велико взаимодействие между искусством и действительностью в нашей стране. Вот перед нами статья А. Присяжного, напечатанная в газете «Правда Украины» (Киев). Статья посвящена замечательному водителю Могильёв-Подольской автороты, водителю, организатору скоростных рейсов Анатолию Белоусу, депутату Верховного Совета Украины А. Г. Рыбакову. Присяжный пишет, что один из шоферов этой автороты, прочитав роман Рыбакова, сказал о герое романа «Водитель» Дёмине: «Будто про нашего Анатолия написано». И действительно, когда мы читаем в этой статье о деятельности Белоуса, о методах его работы, о его отношении к машине, о его инициативе, — воображение возникает образ героя книги Рыбакова — Дёмина.

Так советский писатель встречается в изложении реальной действительности людей, которым принадлежат ему образы героя: воплощенные в художественном произведении, они, в свою очередь, вдохновляют читателя, который стремится подражать им. Безгранично вливание истинно художественного произведения на советского читателя, который удостаивает писателя непосредственным общением с собою и таким образом помогает художнику творить...

О. ГРУДЦОВА

Н. Е. Жуковский.

ОТЕЦ РУССКОЙ АВИАЦИИ

Вторая половина прошлого века ознаменовалась в России необычайно быстрым развитием техники как гражданской, так и военной. Это была техника нарождающегося промышленного капитализма, время практического осуществления таких технических изобретений, как паровоз и пароход. Применение паровых машин привело к зарождению механизации промышленности. В пореформенной России этот процесс шёл очень быстрыми темпами.

Это находило своеобразие на техническом прогрессе нашей страны и отразилось в какой-то степени развитие научных исследований в России. Главой нового направления научных исследований по механике в то время являлся Н. Е. Жуковский — профессор Московского университета, Высшей технической школы, ученик Глубокий знаток классического наследства в области математической механики, любознательный наблюдатель и естественноисследователь, создатель аэродинамической школы мирового значения, обаятельный, мудрый, простой человек, прославившийся на многое столетия Россию и русское имя, — таким знает Жуковского наша страна, создавшая за годы сталинских пятилеток первоклассную авиационную промышленность.

***

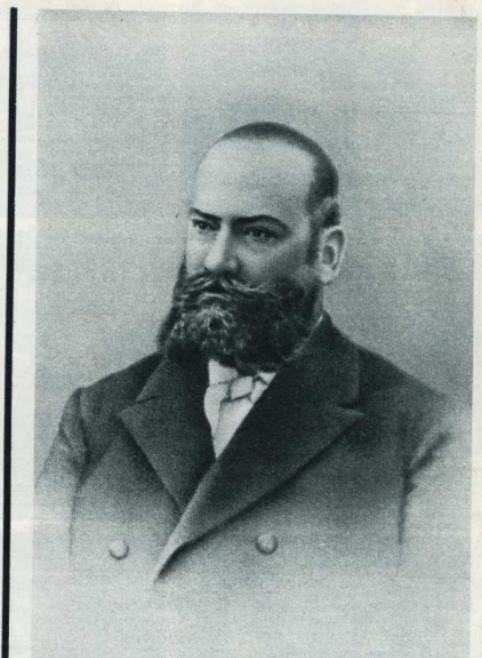
Николай Егорович Жуковский родился 17 января 1847 года в деревне Орехово Владимирской губернии, где он и провёл детские годы. Навсегда сохранившуюся глубокая привязанность к этой деревушке. Всю жизнь Николай Егорович с величайшим удовольствием проводил здесь: занимался в свободное время, в окрестностях Орехово любил ягодами днями и ночами бродить с ружьём. Здесь же родились и первые мысли о опытах по определению подъёмной силы и исследованию спектров обтекания.

В феврале 1858 года Жуковский приехал в Москву и поступил в 4-ю Московскую мужскую гимназию, во время обучения в которой он выделялся как лучший ученик по алгебре, геометрии и естественным наукам. Окончив гимназию, Николай Егорович

МАЯКОВСКИЙ

вселяла в солдат
отвагу.
И ветром победы
овечий флаг
он с нами вознес
над рейхстагом...
Он видит,
как плавкою
домны ясны,
как уголь рубают,
сражаясь.
Я даже в полях разгоравших
с ним
о новых, больших урожаях.
По пятилесткам
меряя шаг,
несёт высокую
краснокожую
звукит его слово,
что
жизнь
хороша —
день коммунизма
близится.

Григорий ИВАНОВ

поступила на физико-математический факультет Московского университета. Он с увлечением занимался механикой. Пребывал в университете, который он окончил в 1868 году, определялся как человек национальных интересов Жуковского. Он всецело посвящает себя механике.

С 1870 года Жуковский работает преподавателем физики 2-й женской гимназии и готовится к сдаче экзамена на первую научную степень, а с 1872 года становится преподавателем Московского высшего технического училища. Спустя 14 лет Жуковский защищает диссертацию на степени доктора прикладной математики. Темой его диссертации была работа о прочности движения. С 1886 года он профессор Московского университета по кафедре прикладной математики, а спустя год занимает одновременно должность профессора по кафедре аналитической механики в Московском высшем техническом училище. С этими двумя крупнейшими высшими учебными заведениями нашей страны была тесно связана вся дальнейшая педагогическая и научная деятельность Жуковского. Здесь он развернул широкую экспериментальную работу, привлекая вокруг себя большой коллектив учеников и последователей.

Николай Егорович Жуковский умел объединять в общей работе людей разных темпераментов, различного таланта и способностей. Непрерывно занятый научной работой, он создавал вокруг себя атмосферу напряженного труда и зодчества оптимизма.

Сам Николай Егорович не отказывался ни от какой работы, видя в ней большое. В 1897–1898 годах Жуковский был привлечён к работам по постройке нового московского водопровода. На него было возложено руководство опытами над ударами воды в водопроводных трубах.

«Эти опыты дали интересные результаты», — писал Н. Е. Жуковский, — которые, несомненно мне известно, до сих пор не указаны в технической литературе: оказалось, что все явления при гидравлическом ударе объясняются возникновением и распространением в трубах ударной волны, происходящей от сжатия воды и от расширения стенок трубы».

Жуковский доказал, что гидравлический удар распространяется по водопроводной трубе с постоянной скоростью. Если ударная волна достигает тумблера, то скла ударного давления удваивается. Аучный способом, при применении труб от гидравлических ударов являются присоединение для медленного закрытия кранов.

Формулы Жуковского для изучения явлений гидравлического удара, вот уже более 50 лет являются основными при расчётах водопроводных труб. Работы Н. Е. Жуковского были переведены на французский, английский и немецкий языки и доставлены автору мировой известности.

Найденное Н. Е. Жуковским решение задачи о гидравлическом ударе дало возможность определить место аварии водопровода, не выходя из помещений насосной станции и не дожидаясь, когда на месте разрушения трубы вода выступит на поверхность мостовой.

Научные заслуги Н. Е. Жуковского были отмечены в 1894 году избранием его в члены-корреспонденты Академии наук.

Жуковский — выдающийся организатор русской науки. Он был активным участником Политехнического общества, Общества любителей естествознания и Московского математического общества, президентом которого он состоял с 1905 года. На этом посту он оставался до конца своей жизни. Благодаря ему Математическое общество превратилось в крупный научный центр, объединивший учёных различных специальностей.

Позже Николай Егорович вёл необычайно напряжённую работу по созданию русской авиации. Участвовал в работе по созданию воздухоплавательных съездов и выставок, а также в организации воздухоплавательного общества в Москве.

С наибольшей силой творческий гений Н. Е. Жуковского проявился в совершенствовании новой для его времени области человеческого знания — теоретической и экспериментальной аэrodинамике.

В этой науке он является родоначальником самых основных, самых драгоценных идей, которыми до сих пор руководствуются и учёные и инженеры.

Н. Е. Жуковский начал интересоваться теорией авиации с 90-х годов прошлого столетия. При кабинете прикладной механики Московского университета уже с 1889 года проводились исследования по различным вопросам воздухоплавания.

В первой работе Н. Е. Жуковского по аэrodинамике, опубликованной им в 1892 году, он решает вопрос о пластирующем полёте птиц. Составив уравнения движения центра тяжести птицы, Жуковский изучает её траектории при различных условиях движения воздуха. Среди возможных траекторий им была найдена траектория полёта птицы. Как известно, практически первые «мёртвые» птицы были осуществлены знаменитым русским лётчиком Несторовым в 1912 году. Таким образом, Жуковский предсказал возможность движения аэропланов по кривой в форме «мёртвой птицы» более чем за 20 лет до её практического осуществления.

Эта работа Н. Е. Жуковского заложила научные основы динамики полёта аэропланов.

В 1906 году появилась работа Н. Е. Жуковского, позволяющая теоретически определять подъёмную силу крыла аэроплана. Формула Жуковского для определения подъёмной силы является основой всех расчётов при определении аэrodинамических характеристик самолёта.

Метод определения циркуляции для заданного профиля крыла называется в теоретической аэrodинамике гипотезой Жуковского. Теорема Жуковского и гипотеза Жуковского — основы современного учения о подъёмной силе, они фундамент теоретической аэrodинамики.

Ещё в 1895 году Н. Е. Жуковский экспериментально обнаружил, что изогнутая пластина даёт большую подъёмную силу, нежели плоская пластина. Этот экспериментальный факт весьма заинтересовал Жуковского. В 1911 году появилась новая аэrodинамическая работа Николая Егоровича, в которой он установил два класса теоретических профилей крыльев аэроплана и доказал, почему изогнутая форма профиля более целесообразна по сравнению с плоской пластиной. Теоретические профили, открытые Жуковским, называются сейчас во всей мировой литературе профилиами Жуковского.

С 1912 года начинать появляться статьи Жуковского по вихревой теории гребного винта — пропеллера.

Для правильного расчёта тяги и момента необходимо знать скорости частичек воздуха перед винтом и за винтом. Зная эти скорости, можно найти тягу и мощность, потребную для вращения. Н. Е. Жуковский в своих работах дал подробный анализ воздушного потока перед винтом и за винтом, исходя из предложенной им вихревой схемы. Анализ вихревой схемы винта, проведённый в статьях Жуковского, позволил не только определить характеристики винта, но и указать наимыгоднейшую форму лопастей винта. Винты, спроектированные по указаниям Николая Егоровича, получили название «винты Жуковского».

Н. Е. Жуковский был основателем экспериментальной аэrodинамики. В 1902 году при механическом кабинете Московского университета была построена первая в России аэrodинамическая труба закрытого типа. В этой трубе проводились многочисленные испытания, из которых особенного внимания заслуживают исследования по аэrodинамике самолётов, исследование аэrodинамического шара и плоской пластины. По указаниям Н. Е. Жуковского были спроектированы и построены прибор для испытания пропеллеров, работающих на месте.

В 1909 году в университете была построена новая аэrodинамическая труба. Труба потока воздушного потока в этой трубе достигала 20 метров в секунду.

С 1904 по 1909 год Николай Егорович руководил организацией новой аэrodинамической лаборатории в посёлке Кучино под Москвой. Весной 1909 года воздухоплавательный кружок Московского высшего технического училища организует при непосредственном участии Николая Егоровича еще одну аэrodинамическую лабораторию в России. В многочисленных докладах и статьях Н. Е. Жуковского неоднократно подчёркивается важность эксперимента в аэrodинамике. «Приближается время, когда... аэропланы и дирижабли будут строиться с таким же верным расчётом, с каким теперь строятся пароходы и автомобили... Я думаю», — пишет далее Жуковский, — что проблема авиации и сопротивления воздуха, несмотря на блестящие достигнутые успехи в её расширении, заключает в себе ещё много неизведанного, и что счастливая та страна, которая имеет средство для дальнейшего развития в области аэrodинамики». Результатом этих исследований стала, если можно так выразиться, настоящая эволюция аэrodинамики. Николай Егорович Жуковский, если можно так выразиться, заложил в себе ёмкость для дальнейшего развития аэrodинамики. Появление новых аэrodинамических лабораторий в России, а также в других странах, если молодые люди, готовые беззаветно отдать спортивным и научным изучением способа летания. Но для этих изучений нужны материальные средства. Позвольте высказать пожелание, чтобы средства наших аэrodинамических лабораторий стояли в соответствии с могуществом и творческими силами нашей родины».

Мечтать Н. Е. Жуковского было осуществиться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. 15 декабря 1918 года был создан Центральный аэро-гидродинамический институт (ЦАГИ), которому присвоено теперь имя Н. Е. Жуковского. Первым председателем научной коллегии института был Н. Е. Жуковский.

Ещё в 1913 году Николай Егорович читал лекции на курсах офицеров-аэлётчиков. Позднее из этих курсов организовалась Военно-воздушная академия имени Жуковского. В результате его занятий прикладными вопросами аэrodинамики самолёта появился две статьи, посвящённые динамике аэrodинамики. В этих статьях Н. Е. Жуковский впервые разработал проблему простирающейся самолёта, пропорциональной и попорциональной устойчивости, а также дав простой метод графического решения основных уравнений аэrodинамического расчёта самолётов (так называемый метод таг Жуковского). Труднейшие вопросы теории Н. Е. Жуковский изложил здесь отчётливо, строго и наглядно при помощи самых простых математических вычислений.

Научные заслуги Николая Егоровича нашли высокую оценку в специальном декрете Совета Народных Комиссаров в декабре 1920 года. Декрет был подписан В. И. Лениным и учреждал «в ознаменование пятидесятилетия научной деятельности профессора Н. Е. Жуковского и огромных заслуг его, как „отца русской авиации“... годичную премию Н. Е. Жуковского за наилучшие труды по математике и механике», а также устанавливала ряд персональных льгот для самого Николая Егоровича.

Великий патрист Родины, гордость русской науки, Н. Е. Жуковский скончался 17 марта 1921 года. Тяжела была эта утрата. Но созданные Жуковским научная школа успешно продолжала исследования по разработке основ авиации и воздухоплавания.

Авиационная техника быстро идёт вперёд. Ученики и последователи Жуковского создают в нашей стране новые типы быстродействующих реактивных самолётов, которые несут на своих крыльях бессмертную славу «отца русской авиации» Николая Егоровича Жуковского.

Профессор А. КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ

В демократической Болгарии

Молодые горняки болгарской шахты «Бригадир» надолго запомнят приезд к ним союзного пограничника Социалистического Труда Леонтия Бориссина. Он помог им организовать работу так, что горняки разделили на один минуты времени. Многозадачный метод привёл в угольной промышленности Болгарии к рекордным результатам. Применив метод Бориссина, болгарские горняки Дмитрий Стоянов, Сандо Димитров и другие, а также и многие другие стали выполнять свои производственные нормы на треть и более процентов.

На шахте им. Петра Драгомирова горняки изобрели приспособление, при помощи которого горные машины могли поднимать грузы вдвое быстрее. На шахте им. Георгия Димитрова горняки изобрели новый метод работы, который позволил горнякам выполнять норму за 15 минут. На шахте им. Петра Драгомирова горняки изобрели новый метод работы, который позволил горнякам выполнять норму за 15 минут. На шахте им. Петра Драгомирова горняки изобрели новый метод работы, который позволил горнякам выполнять норму за 15 минут.

В Союзе пионеров Болгарии Ильинский союз молодёжи молодой машинист Кынко Кынко, работая по методу советского машиниста Николая Попова, изобрел приспособление, позволяющее горнякам с помощью нового метода добывать уголь, помогая им овладеть новой техникой, полученной Советским Союзом. Благодаря помощи советских горняков началось массовое движение ударничества во всех шахтах республики. Наиболее ярким примером является изобретение горняками Димитровграда нового метода молодых шахтёров. Среди юношей и девушек новой Болгарии, занятых в строительстве городов и в других отраслях промышленности.

В Союзе пионеров Болгарии Ильинский союз молодёжи молодой машинист Кынко Кынко, работая по методу советского машиниста Николая Попова, изобрел приспособление, позволяющее горнякам с помощью нового метода добывать уголь, помогая им овладеть новой техникой, полученной Советским Союзом. Благодаря помощи советских горняков началось массовое движение ударничества во всех шахтах республики. Наиболее ярким примером является изобретение горняками Димитровграда нового метода молодых шахтёров. Среди юношей и девушек новой Болгарии, занятых в строительстве городов и в других отраслях промышленности.

Примеров самоотверженного труда нещадно и среди сельской молодёжи. Всего лишь на полях страны люди не видят даже примитивной техники. Теперь крестьянин, имеющий трактор, может с помощью трактора и комбайна, изучает передовую советскую агрономическую и технологическую науку.

Работают и — это главное — стремление болгарской молодёжи. После свержения ненавистного нацистского режима болгарская молодёжь широко открылась для учебных заведений. Для общего образования создано 1500 школ, для профессионального образования — создано множество школ. Много молодые рабочие, окончившие подготовительные курсы, учатся в высших учебных заведениях.

В Авиаграде всей молодёжи новой Болгарии стоит Димитровградский союз пионеров. В Авиаграде пионерия насчитывает в своих рядах уже более 750 тысяч юношей и девушек. Служба политического воспитания и политического комсомола, Димитровградский союз молодёжи ведёт службу политического воспитания молодёжи. В сети политического образования учащихся в этом году 350 тысяч юношей и девушек. В Авиаграде создано научное общество «Болгария и мир», биографию великого друга молодёжи И. В. Сталина и биографию первого болгарского народа Георгия Димитрова.

Димитровградский союз народной молодёжи организует политическое и культурное воспитание своих членов. Кино, театры, библиотеки, лектории и музеи — все это предложено пионерам.

На снимках: сперва (слева направо) 1. Молодые строители Димитровграда, занятые строительством дома. 2. Танцевальный фабрикан «Болгария» после работы делают опыт по выполнению производственных норм. 3. Девушки из села Кочаны, впервые сели за руль трактора. 4. Технический кружок под руководством инженера-механика Андрея Ханисова на заводе запасных частей в Софии за изучением предмета «Техника». 5. Участники строительной бригады села Кочаны. Пловдивская олония, сортируют экспортный виноград. 6. Юные рабочие фабрики «Болгария» на время перерыва читают «Комсомольскую правду». 7. Женский состав танцевальных групп исполняет народный болгарский танец.

Проект памятника 12 воинам-героям.
Скульптор Н. Никоногов.

МОНУМЕНТ двенадцати

21 июня 1944 года роте гвардейцев лейб-гвардии Ставропольской бригады было дано задание форсировать реку Свирь восточнее города Лодейное Поле и выбить фашистских захватчиков, защищавших мост на берегу. Обратившись к бойцам, командир роты спросил, нет ли добровольцев на это опасное дело. На призыв откликнулись все рота.

Около всех посыпалась чёрная земля, из которой рубеж неизобретаемый. Пришлось отобрать двенадцать самых боеспiritных солдат. Перед штурмом они присягали на самому упрёдливому участке финского переднего края переправить за реку роту Ставропольской бригады перед собой плот с гечевами, со всеми, что чтобы вымести на себя отчаянную опасность и дать наимен артиллеристам возможность сокрушить врага, явить и подавить огневые точки врага.

Перед выступившими двенадцатью гвардейцами-комсомольцами обратились и воинами части с письмами:

«Боевые братья! Победите! — писали они, — первыми форсировать реку. Мы kleinjägers, что поставляем вам оружие, и мы с честью, хотя бы нам пришлось для этого покорвортеться, вымести вас из этого мира!»

Под письмом поднялись все двенадцать комсомольцев-дебятей: Немчинов Ю., Юнонов Б., Ткачев И., Панков П., Митрофан И., Попов А., Задорожный А., Красильников В., Барышев А., Бенгусон С., Малышев И. Задорожный и Барышев.

И пошли бойцы реку Свирь — смельчаков окончил шесть плотов с призванными к ним чучелами. А среди призванных — амбициозные подготавлившиеся подхорунжими в конной артиллерии, когда сабры стукнули плоты в реку, в громыхании по воде бросились за края плотов.

Подготавлившие плоты с чучелами, поплыли вперёд.

Заметив это, солдаты начали кучал за солдат, фимины открыли по ним интенсивный пулемётный и миномётный обстрел, и солдаты поплыли десант. Но наши бойцы упорно продирались вперёд, содрессоточив на врага яростный огонь.

Хитроумно обороночные сооружения удались.

Позывной тем, что враг был захвачен «флаком», испытывал через строительство начальни переплыть лодками подорванное гвардейскими подрывниками бодя, которого почти без потерь привыкли к противоположному берегу.

А. БАРХУДАРЯН

СВЯЗНАЯ ЦЗИНЬ ФЫН

Продолжение. См. «Смену» № 6.

2

Цзинь Фын было уже двенадцать лет, но она была такая маленькая, что все принимали её за восемнадцатнюю. Она лежала на кане. Кан был холодный, и она никак не могла заснуть, хотя спать ей очень хотелось. Но спать не хотели — и делалось очень страшно: перед нею вспоминалась образ сестры-близнецницы Цзи Чэн Фын знала, что на допросе в гоминьдановской разведке Чэн-чи отрубил руку, потом вторую. Поэтому сестра помялась перед нею непременно без рук. Девочка знала, что Чэн-чи в конце концов повесился на ноги, и знала, как выглядят такие повешенные. Ей было очень страшно.

Она беспокоилась. Только делала вид, будто спит, чтобы не нужно было ни с кем разговаривать.

Когда командир отряда «Красных кротов» отворачивалась, она приподнимала веки и видела, как он читал, высоко поднимая книгу здоровою рукой, чтобы свет континта падал на страницу; видела, как он словно засунул книгу под локоть раневой правой руки, когда встал, чтобы накрыть кипу Фын винтом.

У девочки было много всяких же ликов, какие она видела у людей, долго пробиравших в тюрьме. Ни у кого было не от тюрем, а потому полтора месяца — с того дня, как его ранили — он не выходил на поверхность. Тут под землю, на расстоянии почти четырёх ли от ближайшего входа в подземелье, воздух был всегда спрятый, прозрачный и пропитанный копотью.

Девочка был виден и радист, отделённый от командира циновкой. Он сидел с чёрными наушниками на голове, подперев ей двумя руками, и время от времени втяхивая их, чтобы отогреть драмы. Теперь девочку знала, что радист дебентвадти лет. Но тогда она этого ещё не знала, — в тот день, когда пришла сюда миерные с сестрой, — здоровьем, называла его «дедушкой». По сравнению с иным сорокалетним командир казался юношей.

По тогу, как команда ранили, он часто бывал на поверхности. А радиист не был там с того дня, как пришла сестра. Командир называл его ушами отряда. Радист был лицом права ходить в операцию, на двери, в разведку. Он только слушал эфир и редко, совсем редко послал в него свои позывные, если нужно было дать знать дальнему командированию, что отряд цел и действует, или выдать квантизацию в получении боевого приказа Пин Дз-хуа. Но переходил с прёмы на передачу можно было совсем, совсем редко, чтобы не выдать себя гоминьдановцам.

Сквозь прищуренные веки девочка видела, как в подземелье вошли начальник штаба и начальник разведки отряда. Они были большие дяди, и когда бывали под землёй, то почти не расставались. Девочка всегда видела их вместе. В её представлении они были сдаи не одним существом, хотя её мозгами до сих пор видеть людей, да такой состояния неожиданно между собой. Начальник штаба был изящный, толстый, добродушный, любил почутить и сгрызть в кости. Начальник же разведки был высок, туч, раздробленный, он был изящный, непрерывно курил длинную трубку с медной чашечкой, жил по часам и возвращался почти против всего, что говорил начальник штаба. Но оба они однажды любили девочку — сказывала Цзинь Фын.

Она всё это знала, как знала всех людей отряда. Она думала о них так, словно была самой старшей: как будто большая была она, а они маленькие. Она морщила лоб и думала, а когда командир к ней приходился, плотно смыкала веки и делала вид, будто спит.

Все члены отряда были прежде рабочими, мальчиками, пришлыми из других отрядов, из различных разводок, которые когда-то работали на мельницах здесь же. Шли и гравёры, и типографии, и пекари, и пекарни, домашней пекарни, помещавшиеся под землей в следующем отсеке подземелья. Оня был тоже местный — инженер из Тайбэя. А теперь он был печатчиком, и наборщиком, и когда не было работы в типографии, еще оружейником. И еще не была работницей Цзо Чюо — жена инженера. Она доктор, но и она тоже жила почти всё время под землёй, потому что командир не пускал её на поверхность, боялся лишиться единственного врача. Цзо Чюо устроила лазерет во втором отсеке напротив. Там у ней даже операционный стол, покрытый белой клейкой.

Эта жизнь отряда «Красных кротов» под землёй вовсе не была чем-то необычным, подземелье, в котором он скрывалась, тоже не было единственным в Китае. Всё множество сороковых годов во многих провинциях северо-западного Китая существовали подземелья системы подземных ходов и укрытий. Одна часть этих сооружений осталась в пропастях, боровшимися с американо-канзакийскими разбойниками в наследство от тех времён, когда шла война с японскими захватчиками, другая часть была сооружена заново, чтобы разить и усовершенствовать старую систему.

Началом этих подземных сооружений явились простые ямы вреде погребов, вырытые крестьянами под своими домами с целью укрытия в них женщин и детей, когда приходили японцы. Но враги легко

Девочка лежала и думала, а командир читал...

обнаруживали такие примитивные укрытия, и наивные попытки спрятаться от злых преследователей дорого обходились жителям деревень. Это заставило крестьян усложнить систему подземелий. Стиук в погреб, или в яму под каном, стал только началом длинного хода. Постепенно эти подземные сооружения превратились в целые города, куда укрывались крестьяне со скакром и скотом, где они подчас оставались месяцами, не выходя на поверхность. Они научились устраивать примитивную вентиляцию и водоотводы.

Безжалостные японцы пускали в ход боевые газы. Груды тел взрослых и детей загораживали подземные убежища и ходы. Но ничто не могло остановить этого удивительного строительства, которое широко использовалось партизанами для неожиданных набегов на врага. Японцы больше всего боялись этих выходцев из-под земли, подживающихся самым нежданным образом и в самых неожиданных местах.

Всё беспощадней становились меры японцев против подземного противника, всё искуснее бородись партизаны. Их катакомбы стали изысканными, многоэтажными. Они туннелились на десятки ли. Невозможно представить себе объём труда, затраченного китайцами на сооружение этих катакомб. И всё это в тайне, всё с единственным инструментом — лопатой и мотыгой. Едва ли история вновь знала и узнает что-либо подобное: упорству в трудолюбии, вложенному китайцами крестьянами в подземелья.

С окончанием войны против японских захватчиков значение подземных сооружений не уменьшилось, а даже увеличилось. В ходе последней освободительной борьбы с реактивами было решено, что под землей укрывались целые уезды, формировались партизанские армии, скитающиеся для борьбы из-под земли. И если прежде их боялись японцы, то теперь их вдвое больше страшились американские наёмники — коммандосы, — так как у подземных воинов-освободителей появилась то, чего не было раньше: оружие, боеприпасы, техника.

«Красные крылья» были одной из боевых единиц, принимавших постоянное и деятельное участие в народно-освободительной войне китайского народа.

Девочка лежала и думала, а командир читал. Иногда он зажмуривал глаза от плохого света глаза и, опустив книгу на колени, спрашивал радиостанции:

— Что?

— Тихо, — отвечал радиостанция, и командир снова брался за книгу.

Может быть, потому, что девочка очень много думала об этих людях, которых так привыкли и которых так любила, а может быть, потому, что она всё-таки очень устала после ночи беготни, но наконец она уснула, и радиостанция сестра не приходила к ней.

Девочка лежала лицом на зеркальную и разбрасывала руки. Когда раздавалась её крик, командир опускал книгу, а если она, раскинувшись, ссыпалась с себя ватники, он вставал, подбирал ватники и осторожно накрывал им девочку.

Цинь Фын прошлась через час, когда командир тронул её за плечо. Она подумала, что наступило утро и товарищи вернулись с поверхности земли. Однако, протерев глаза, увидела, что, кроме командира, около стоянки радиостанции нет никого. Командир взял этот листок и сказал девочке так, как будто говорил ей вслух:

— Цинь Фын, сегодня ночью к нам спущена парапонтистка для операции, о которой ты знаешь: взять Янь-Ши-Фаня. Пароль парапонтистки — «Ветвь жизни» вернётся. Мы сумеем её завоевать. Не правда ли?

Правда, — сказала девочка.

Командир засмеялся:

— Я знаю, но это конец пароля: «Не правда ли?». Поняла?

Девочка кивнула головой.

— Повтори пароль, — сказал командир, и девочка повторила.

У тебя золотая память. Пойдёшь в американскую католическую миссию святого Игнатия у Святого и передашь то, что я сейчас сказала, и ещё скажешь: все наши люди должны подчиняться этому японому товарищу.

— Даём? — спросила она.

— До обеда нужно быть там.

Девочка спустила ноги с кана:

— Если позвоните, я пойду!

— Сначала поешь.

— Не хочется!

— Иди слушаться старших, — сказал он и освободил маленькой чайником от тряпок, сохранивших ему тепло.

Чайник был тяжёлый и совсем закопченный. Наливая себе чайной водой, Цинь Фын испачкала пальцы и стала их тщательно обтирать. Радист засмеялся:

— Всё франтиши, Цинь Фын!

Она с укоризненным покачала головой:

— Вы так долго сидите тут и не понимаете? А если кто-нибудь там, изверг, увидит? Спросят: «Почему у тебя, девочка, пальцы в саже?» Чёрт побери!

Она снова покачала головой.

Девочка съела лепешку из чумизы и запила водой, потом встала:

— Я готова.

— Хорошо, — сказал командир. — Исполняй поручение, Цинь Фын.

Девочка зажгла фонарь, подняла его вровень с лицом и установила линзу фонаря. Пламя колебалось, маленько, тусклое, красноватое. Девочка спросила командира:

— Вы больше ничего не прикажете?

— Зайдёшь в музей и оттуда домой!

Девочка бежала, как тусклое красноватое светлое пятно. Только один момент, там, где она пробегала, можно было видеть неровные стены хола. Свобод был такой же неровен. Местами он падал в проселки, и его поднимали брабанты крепей. Иногда путя девочки преграждали обвалы, и приходилось перебираться через кучи земли. Цинь Фын уверенно выбирала повороты среди отзвелий, зияющих по обе стороны главного хода. Она разбиралась в этом лабиринте так, как прохожие расположают переулки родного города.

Когда в лицо ей потыкало свежим воздухом, девочка замедлила шаг и прикрыла фонарь. Ещё через сотню шаговышать стало совсем легко. Девочка увидела над головой светлые точки звёзд. Она задала фонарь и поставила его в нишу стены. Когда она осторожно приближалась к выходу, часовой, лежавший на живце, с американским пистолетом в руках, посторонился. Она притнула ему руку, и он помог ей выбраться на поверхность. Оба молчали. Тут разговаривать не полагалось.

Через мгновение об маленькая тень слилась с непроглядной тьмой, царившей в овраге.

3

Если путь шёл в Тайюань с юга по дороге, огибающей Суйго на западной стороне, то ему было не мильвать моста «Четырёх ящериц», перекинутого вправо, противу реки Фынхэ. Кажется это удивительно, но в те дни мост звался «мостом четырёх ящериц».

Миновав мост и сперва по пешей дороге налево, путь сразу за прыжком попадал в неожиданно возникшую средь широкой поляны густую зелень. Запущенная аллея, обсанжированная старой акацией и вязами, вела к живому изгороди, скрывшейся железные прутья высокой решётки. Деревья аллеи были так стары, что стволы многих из них полопались до самой вершинки, а ветви, как усталые руки, свисали к земле. Сквозь чугунный узор нагло захмактывшие массивные ворота был виден тенистый парк, из которого при малейшем движении воздуха доносился аромат роз. За густой порослью парка было видно видно строений. Только над вершинами деревьев к небу тянулась игла католической церкви.

Хотя отходы были уже видны предметами Тайюань и даже его стоянки, красноречивой стоянке на горе, шум города сюда не достигал.

Те дни, в которых относились события, на левом каменном столбе ворот красовалась большая чугунная доска с выпуклой литой надписью по-китайски.

Над этой надписью венчиком латинскими буквами была расположена надпись: «Ad majorem Dei gloriam».

На другом столбе яркая эмалированная доска лаконически гласила: «Наклоняется под покровительством и защитой вооружённых сил США».

Под доской белела фарфоровая книжка звонка. Если бы её нажать, то из скрытой в акантовых створках появлялся Большого роста китаец. Не отпирая ворот, он сквозь решётку спрашивал, что нужно посетителю, и, лишь сходясь в миссии, возвращалась, чтобы впустить пущину или отослать её.

Как сказали, человек этот был высок ростом, широк в плечах; черты его мужества были прямолинейны и тонки. Карие глаза гляделы со строгостью. Он был смугл и бледен в движениях. Звали его У Вэй. Это был щобер, он же сторож миссии.

С некоторых пор миссия мало занималась на заведение религиозное. В неё не допускали богомольцев. Теперь тут, как в комфортабельном пансионе, отыскались высшие тайюаньские чиновники и офицеры американской военной миссии, на средства которой, говорят, и содержалось всё заведение.

Миссионеры исчезли из миссии, и её истинной хозяйкой в округе считали экономку Ма Ню, которую здесь называли «сестра Мария». Народная молва утверждала, будто эта женщина, изменив родине, пошла

на службу полиции ещё в те годы, когда здесь хозяинчили японцы. Тогда, как говорят, ей платили за изучение языка, чтобы платить американцам. Да и теперь она солидно выглядела, и он одинаково считал Ма Ню представительной, как тогда, там и теперь.

Ма была еще молодой женщины, когда народного роста с лицом правильным и даже красивым, но слишком неподвижным, чтобы быть привлекательной. Она тщательно следила за своей внешностью, всегда была к лицу одета, её замысловатая модная прическа постоянно выглядывала так, словно над нею только что трудился парикмахер. Глаза Ма были всегда полны грустной задумчивости, движения медленными и спокойными; говорила она ровным голосом, не повышая его даже, когда сердилась. Эта мягкость, однако, не мешала ей быть привлекательной и строгой хозяйкой, державшей в страхе служащих миссии.

Ранним утром, когда Ма и чиновники гости еще спали, женский персонал, состоящий из двух горничных и кухарки, собрался в просторной, выложенской белой плитой кухне. Го Лин и Тан Ка представлялись во всем румяну, пропитанном духом друга. Го Лин была полная девушка с мятежными глазами и с множеством движений, свойственных полным женщинам. На вид ей можно было дать больше её двадцати лет. Тан Ка была стройна, почти худа, её непослушные волосы плохо укладывались в прически и несколько беспорядочно окаймляли смуглую лицо с тёмным пушком на верхней губе и с хмуро глядящими карими глазами. Движения Тан Ка были коротки, стремительны, речь быстра и тверда.

Третья женщина — кухарка У Да, окрашенной здесь Анной, — была за пятьдесят. Она выглядела крепкой и сухорукой. У неё были гладко прибранные седеющие волосы и строгий взгляд.

Сотни погромчика посуды. У Да готовила утренний завтрак, Го Лин перетирала посуду, Тан Ка втерлась перед зеркалом, в пятый раз перекалывала кружевную фартучку. Тихонько, так, что еда можно было разобрать слова, все трое напевали:

Эта жизнь весёлая — нам совсем не нужна,
И тепло Шанси не согреет нас.
Мы семью товарищей, тёплую и дружную.
Сохраним, девушки, в этот грязный час...

Пение было прервано слабым звонком, донесшимся со стороны ворот. Го Лин посмотрела на часы: время было раннее. Тан Ка с любопытством выглянула в окно: У Да, на юго-западной куртке, прошагал маленький голубой автомобиль. Из-за руки торчаща прикрыла соломенной шапочкой женскую голову. Волосы автомобилисты были собраны в высокую причёску! По этой причёске Тан Ка безошибочно признала гостью.

— Стелла! — приветливо бросила она в кухню.
У Да схватила громадную кастролю и бесподобно отрезала:
— Да, плохой чайник!

На ступенях посыпалась дробный стук каблуков, и в кухню стремительно вбежала автомобилистка. На ней был изящный дорожный костюм, модная обувь; все мелочи её костюма соответствовали картинке новейшего журнала.

— Здравствуйте! — развязно воскликнула автомобилистка.

У Да демонстративно отвернулась. Тан Ка сделала вид, будто не слышит. Только Го Лин несмело ответила:

— Здравствуйте, Сю Фын-ин!
— Вы, конечно, дразните меня? — сердито вскинулась гостья.

— Извините! — растроганно проговорила Го Лин.

— Сколько раз я сообщала вам: нет Сю Фын-ин есть Стелла Сюо! По-моему, это не так трудно запомнить!

Тан Ка с нахмурившейся почтительностью пронзила:

— Мисс Стелла!
Чтобы предотвратить скорую, Тан Ка спросила Сюо Фын-ин:

— Вы были сегодня в городе?

Та не сразу сообразила, что вопрос обращён к ней. Наконец ответила однозначно:

— Да.

И нахмурилась.

После некоторого молчания Тан Ка сказала:

— Говорят.., там двенадцать виселиц...

— Двенадцать переносных американских виселиц, — сказала У Да. — На каждой уже не двое, четверо на них.

Го Лин испуганно вскинулась:

— Тётя Да!

— Тётя! — вторя ей, также испуганно воскликнула и Тан Ка.

— Ну что, что? — глубоко сидящие глаза У Да свернули.

— Его превосходительство Янь Шифан не мог поступить иначе, чем советовал мистер Баркли, — сказала Сюо Фын-ин.

— Да замолчиши ты?! — крикнула У Да.

Го Лин всплеснула пухлыми руками:

— Уведи отсюда тётё Да, — шепнула ей Тан Ка.

Го Лин взяла У Да за локоть и потянула прочь, но кухарка выскользнула из рук:

— Оставь, я скажу ей...

— Тётя Да, прости нас довольно! — строго сказала Тан Ка и властно вывела из кухни.

Губы Сюо Фын-ин перекривались. Она вынула сигарету и несколько раз щёлкнула из новенькой американской зажигалки. Пламя в её взаимогревающих пальцах колыхалось и не попадало на кончик сигареты. Не обращая внимания на упорно следившую за нею Го Лин, Сюо отодвинула склоненную дверь холла и, войдя туда, с размахом бросилась в кресло. Го Лин стояла на пороге, в её глазах были страх и страдание. Она хотела что-то сказать и не решалась. Вонючая Ма Ню нарушала молчание.

Она спросила Сюо Фын-ин:

— Что вам угодно?

— У меня есть дело к хозяйке этого дома.

— Ко мне? — удивилась Ма.

Сюо Фын-ин движением головы велела Го Лин уйти и сказала Ма:

— Я буду здесь жить.

Ма послышалось всхлипывание:

— Я не хотела бы этому верить!

— Теперь я секретарь его превосходительства Янь Шифана.

— От изумления Ма могла только издать однозначное:

— «Ага!»

— Вы же сами хотели, чтобы его превосходительство Янь Шифан оказал честь этому дому своим пребыванием под его кровлей.

— Значит, сегодня генерал будет здесь? — едва слышно выговорила Ма и на минуту замедлилась. — Я всё приговариваю...

— Прощу вас не думать, будто уговорите: ей было так легко, — сказала Сюо.

Ма взглянула на неё вопросительно.

— У меня накопились счета, которые я никому не могу показать... — опускнула глаза, сказала Сюо.

— Вы получите деньги.

— Значит вечером... мы приедем вместе.

С этими словами Сюо вышла и уселась за руль своего голубого автомобилей.

Когда У Да, затворив за неё ворота, повернула обратно, Ма быстро прошла в гараж.

— Ещё немного — и я не выдеру, — сказала она У Да.

— Зачем ты так говоришь? — с ласковой укоризной произнёс он и приподнял её к себе. — Я же знаю...

Она не дала ему договорить:

— Откуда тебе знать, как это страшно, когда меня все презирают, все считают изменщицей!.. Это так страшно, так страшно!..

Он ласково погладил её по голове:

— Прощу, успокойся.

Она закрыла глаза, и на лице её отразилось утомление, вокруг рта легла тяжёлая складка.

— Если бы не ты, — тихо произнесла она, — у меня не хватило бы сил!

— Всё будет хорошо.

— Да. Лишь бы нам быть вместе!.. Но твой матёр...

— Она поймёт: ведь иначе ты не могла.

Ты должна была выполнить приказ.

— Она неизвестеней меня!

— Я объясняла ей.

— Объяснишь?.. Она неизвестеней меня с каждым днём сильней. И тут не с чем спорить: так и должно быть. Меня все неизвестеней, все, все! Ты сам знаешь: У Да сказала...

— Мало ли что могла сказать матёр, пока не знает.

Ма повела плечами как будто от холода, хотя тепло было очень тепло.

— Поступи как учили: иди сюда, — это неизвестеней меня, — сказала Сюо Фын-ин. — Иди сюда, и я покараулю тебя! Не знаю, откуда мне ждать пуни: от своих или от янки? Мне страшно!

Голос её задрожал. У Да нежно обняла её.

— Бедная моя!

— Я знаю, — проплакала она, — нужно спастися. Непременно нужно спастися! И я спастилась.

Он поднял её скамеечку у ворот гаража и, забывчиво усадил, сел рядом.

Оба молчали. В саду было тихо. Птицы прятались в листве от лучей подицишего солнца. Надвигался жаркий весенний день. Аромат роз висел неподвижный и душистый.

Ма улыбнулась:

— Когда я смотрю на всё это, мне хочется верить, что все.. всё будет хорошо.

— Разве можно в это не верить?

(Продолжение следует.)

НАРОДНЫЙ ПОЭТ ОСЕТИИ

(К 45-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ К. ХЕТАГУРОВА)

На высоком холме в центре Дзаудзикиана находится могила национального гения осетинского народа Коста Хетагурова.

Коста (так его зовут народы Северного Кавказа) занимает исключительное место в истории Осетии. Выдающийся поэт и талантливый художник, крупнейший публицист и общественный деятель, он является родоначальником осетинской литературы и литературного осетинского языка. Коста писал:

Я счастлив не знал, но я готов свободу,
Которой я привык как счастье —
победы,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь и свободу
проромонить.

Коста Хетагуров был первым последователем русских революционных демократов. Окончательно окрепшего его творчество в 90-х годах, когда в России развернулось рабочее движение. Коста связал борьбу тружеников осетии с против царского самодержавия с русским революционным движением.

К Хетагурову родился 15 октября 1859 года в горном ауле Нар Северной Осетии. Родо лишился он матери. В 1881 году Коста был принят в Петербургскую академию художеств на кафедру живописи и стипендию, но через год его лишили стипендии, и он вынужден был оставить академию. Коста буквально голодаю терпелико скрывал от всех свою ужасную болезнь.

В 1885 году Коста восвярился на родину во Владикавказ. Осетин в эту пору называли под львиным гэйтём: русского самодержавия и местной буржуазии. Народные массы изнемогали от нищеты, головы, болезней. Горские народы вымирали. Коста с исключительной силой рисует ужасное положение его родины:

Бесов берегись, чехи я,
Вернувшись, начни я тебе,
Народ мой, согбенный заботой,
Нет места тебе ни в горах.
Ни в наших прорубях, ни в полях!
Не ешь, не ходи, не работай!

Шесть лет жизни во Владикавказе (1885—1891 годы) Коста наполнены огромной деятельностью революционного просветителя. Он создавал школы, читал лекции, участвовал в организациях «Общества распространения технических знаний среди горцев», устраивал выставки художественных картин и спектакли, выступал в судах и печати с защитой горской бедности.

В это же время он пишет свои лучшие произведения на осетинском языке: «Горе», «Создание», «Тремога», «Мать сирот», «Сплю» и другие. Стихи Коста, запрещенные царской цензурой, расходятся в многочисленных рукописях и становятся народными песнями,

будя революционное самосознание горцев.

Царские сатраны, видя всё возрастающую популярность Хетагурова, в 1891 году высыпало его на пять лет из Терской области.

Коста живёт в Ставрополе, активно сотрудничая в лимерской газете «Северный Кавказ». В год выхода первых сборников стихов на осетинском языке, «Ирони Фандар» («Осетинская лирика»), поэта снова высыпал, на этот раз в Херсон. Вскоре цензура запретила сборники, он был изъят из продажи и причислен к «крамольной литературе».

Лишенный и преследованный сле-
дами своего дела: поэт заболевает туберкулезом костей, а затем душевным расстройством. 1 апреля 1906 года, 45 лет назад, Хетагуров умер.

Творчество Коста, будучи национальным по форме, развивалось в тесной связи с передовой русской литературой. Коста и А. С. Пушкин, поэты-сочетатели несомненно замечательных стихотворений, посвящённых памяти А. С. Грибоедова, Н. А. Островского, П. И. Чайковского, М. Ю. Лермонтова. В этих стихах осетинский поэт отмечает прогрессивную роль и значение русской культуры. Коста называет М. Ю. Лермонтова «предвестником желанной свободы».

В центре творчества Коста находит свой родной народ — его нужда, его горе, его надежды. Поэт пишет о том, что «сущий жаждет в слову и стихии» «живи жизнью стариков, здрав, склон, ты мать настала, позая в грязи». Яични на всех один сырьё. Прямыми кличами корыстей с угнетателями звучат голос поэта в знаменитом стихотворении «Горе»:

Цепью, неловкой нам тело скованы,
Боярьским поясом, воротом да юбкой,
Приди, наш поругай, и горы взвози.
Всё нас позорят и рогами бьют.

Должную оценку жизненному подвигу Коста дали большевики. Еще в 1919 году С. М. Киров писал в албанской газете «Терк» с достойном удивления именем чуть ли не великого осетинского поэта, выступившего в национальной литературе.

Осетинский народ, обречённый на вымирание в условиях царизма, расцвел под солнцем Сталинской Конституции. Растёт, развивается и крепнеет осетинская литература, начало которой положил Коста. О значении и месте народного поэта в советской Осетии можно сказать его же словам:

Не умрёт, не поблекнет в тебе
Утогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут жить
Его лирии могучей эпохи.

Л. ЕРИХОНОВ

г. Даудзикиан.

Занятия на скульптурном факультете. Студент О. Оганесян работает над композицией «Рыболов». Консультирует директор института заслуженный деятель искусств Армянской ССР профессор А. М. Сарисян.

Фото А. Поздняева

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ АРМЕНИИ

Ереванский государственный художественный институт создан в 1945 году.

Плодотворную роль в деятельности института сыграла тесная и давняя связь между русской и армянской культурами. Ученики и преподаватели художников-армян дореволюционной эпохи получили свой образование в Российской Академии художеств. Армянская химчистка впитала в себя чудесные традиции русского реалистического искусства и выработала свою школу в честь Ованеса, Нерсеса, Шамшина, Овнатана, Нерсеса, Шамшина, Ашота, Вацисцагана и других армянских мастеров прошлого поколения. На этих же реалистических традициях воспитывается сегодня и студенты Ереванского художественного института.

В Ереванском художественном институте обучаются талантливые молодые художники. Особое внимание можно отметить С. Согомоняна, студента четвёртого курса театрализованного искусства, отделения эпического факультета. Шамиля Акопяна и Гегама Астрина, которые в этом году оканчивают институт. Шамиль Акопян, выпускница семи лет, успешно учащийся в четвёртом курсе, «София» — плеяды Демирчяна.

На графическом факультете можно отметить Ж. Арапян, который специализируется в области плаката.

На студентов эпического факультета выдаются Кодикови, Карапетян, Себакян, Григорян, которые особенно успешно работают в области композиции и показали целый ряд реалистических, жизненных эпических произведений.

Необходимо отметить также великолепие талантливых студентов скульптуры:

Студент-дипломник Р. Бабин за

работой над эпизодом декорации.

Художественного факультета: А. Шагиняна, Г. Багдасаряна, новозавоевано пере-
числить; можно сказать, что институт живёт полновесной жизнью советского искусства и не отстает от него.

В прошлом году состоялся уже первый выпуск художников Института. Изобразительное искусство советской Армении в лице выпускников института получает хорошо подготовленных художников, имеющих своим знания и опыт лучших мастеров Армянского народного художества прошлого века. Первым выпускником профессор М. Сарисян, народный художник профессор Г. Григорян.

В новом учебном году для преподавания в институте приглашены в качестве ассистентов молодые художники, успешно окончившие наш институт.

Кроме подготовки надрыв института проводит научно-исследовательскую работу. Летом этого года многие студенты участвуют в научно-исследовательской практике в творческих колониях на промышленных предприятиях страны. У нас сложились хорошие традиции студенческих выставок, в том числе и четырёх курсов, после окончания летней практики, предшествующей летней практике, проводимой в институте в научную выставку в Москву и Ленинград. Последнюю студенческую выставку организовали в 1956 году студенты, студенты близко знакомятся с чудесными произведениями русской классической живописи и достижениями советского искусства.

Ара САРКСЯН,
член-корреспондент Академии художеств СССР

ФУТБОЛ на воде

Водное поло, игра спортивных и мужественных людей, вызывает всё больший интерес у молодёжи, становится всё более и более популярным. Редакция «Смены» обратилась к одному из лучших ватерполистов страны, мастеру спорта Петру Мишенинграде, с просьбой рассказать читателям нашего журнала о этой игре.

— Недавно, — сказал П. Мишенинграде, — были введены новые правила игры в водном поло, которые часто называют футбольным водным полом. Судьи ссылаются на то, что матчи должны быть оставаться на тех местах, где их застал свисток, то теперь разрешается передвигаться по полю. Это сделано матчи значительно интереснее, тактически разнообразнее.

Первый матч команды выстраивается вдоль линии ворот. Обыкновенный футбольный мяч, смазанный виром, лежит в центре поля. По сигналу судьи команда устремляется к своим берегам. Тот, кто первым уложит мяч в ворота, тот обретает егоさまому партийщиками правил, назад. Розыгрыши мяча с центра повторяются каждый раз после забитого гола.

Игра вратаря в основном строится на выходах: обычно, парируя удары, он поднимается до пояса из воды. В этот момент трудно забить гол. Но вратарь может удержаться в таком положении не более одной секунды и сбрасывать мяч на пол.

Соперники применяют очень сложный приём, который называется «переводом». Игровой посыпает сильным броском мяч своему партнёру, находящемуся блоком ворот. Ватерполисты, как правило, не знают движение партнёра и не предвидят его полёта. Вратарь обычно сбрасывает мяч в один угол ворот, а мяч влетает в другой.

Есть ещё один приём, о котором следует упомянуть. Приняв кавесной мяч, вратарь, не покидая полога, может возможно выше вышвыкнуть мяч. Этот удар напоминает гас мяча в волейболе. Недаром такой приём хорошо удается Игорю Григорьеву, являющемуся одновременно и отличным волейболистом.

Для того, чтобы овладеть техникой игры, нужно научиться быстро и долго плавать, делать резкие повороты, остановки. Но этого, конечно,

Встреча между ватерпольными командами ВВС и ЦДСА в самом разгаре.

Фото В. Гребнева

недостаточно. Необходимо в совершенстве владеть мячом, уметь точно передвигаться в воде, уметь с любого расстояния и положения.

Ныне сильнейшими являются московские команды «Торпедо», ЦДСА, «Динамо», ВВС и ленинградская команда военных моряков ВМС. У каждой из этих команд есть тренеры, сама команда «Комсомол» СССР 1950 года — команда ВМС — дружный, спланированный коллектив, выступающий уже много лет в одном и том же составе. К сожалению, моряки слишком робко пополняют свои ряды молодых.

Основной тактический манёвр моряков — создание численного превосходства у ворот противника. Эта тактика подкреплена тем, что любой из ватерполистов команды успешно играет как в защите, так и в атаке.

Все игроки — технически сильные и опытные. Их капитан, Владимир Китаев — ветеран водного поло: он уже 25 лет принимает участие в соревнованиях.

Обладатель кубка СССР 1950 года — команда автомобилистов имени Стальского («Торпедо») — располагает первоклассным тренером Евгением Соловьевым. Наряду с ним молодые спортсмены Юрий Теплов, Анатолий Смирновон, Юрий Ефимов. Автомобилисты — истинные спортивные «бобры». Капитан бы ни было тяжелым положением, но всегда до последней секунды борется за победу. Их добие — быстрые и выносливые.

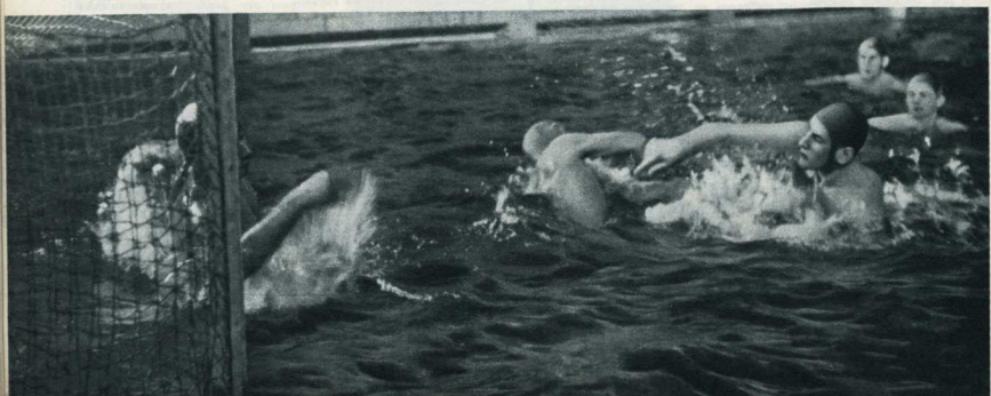
Команда ЦДСА строит свою игру на центральном нападающем, молодом первоклассном ватерполисте Гунаре Пароне. У них лучший в стране вратарь — Левон Арутюнян, капитаном является Юрий Соловьев и другие.

Команда «Динамо», в состав которой и играю, укомплектована молодёжью. У нас, за исключением одного, нет ватерполистов старше двадцати двух лет.

Итак, мы ведём по схеме: вратарь, два защитника, два полузащитника и две нападающих. При таком расположении у нас большое поле для манёвров.

Хочется показать, что водное поло, очень полезная и хорошая спортивная игра, стала бы подлинно массовым и чтобы и число лучших воспитанников ватерполо будущем можно было привлечь, по крайней мере, ещё столько же.

Метром и сильным ударом обладает молодой игрок команды Центрального Дома Советской Армии Гунар Парон. Вот и сейчас он пробил по воротам.

ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР

Лёд на Оке взбух, потемнел, покрылся проталинами. Всё сильней припекает весенне-солнце. Река вог-вог вскроется, затянет засохшие воротодамы, разольётся полыньями волами.

Через застёжливую струну тяжелого цеха Валя Филиппова видит и противоположный берег Оки, с его крутыми, то пологими холмами. Вон высится Золотой бугор, чуть дальше — Зелёная щишка. Как славно было нестись с них зимой на лыжах!

Совсем еще недавно ходила Валя за реку со своими подругами-ткачихами. Чудесно себя чувствует на снежном просторе. Девушки катились с гор, а то и поди, вытигнувшись из машины, скользили по льду, скрещивая колени. Весьма и бодрющие эти прогулки стали за зиму не только излюбленным отдыхом, но и отличной тренировкой к лыжным соревнованиям.

Теперь лыжи спрятаны до нового снега. Но когда проявляет ледоход, когда потешает, наступит лето, ткачики снова будут перебираться на левый берег Оки. Там широкий песчаный пляж, завидные места для пляжного волейбола.

Секретарь комсомольской организации первого ткачего цеха Валентина Филиппова — одна из лучших физкультурниц комбината «Красный дуга» в городе Муроме. Любят она не только лыжи, но и плавание, гимнастика, волейбол, лёгкую атлетику.

Она пристрастилась к спорту еще три года назад, когда начинала учиться в школе ФЗО. Вместе со своими подругами Тоней Андриановой, Валей Казаковой, Лидой Филипповой и другими стала она учится бегу, прыжкам. В школе же будущие ткачики вступили в комсомол.

Летом 1949 года Валя и её попутчики добились в лёгкой атлетике первых серебряных успехов. Все они стали спортсменами-разрядниками. Тоня Андрианова пробежала стометровку за 13,9 секунды. Казакова, ещё быстрее — за 13,5. Лида Филиппова и Валя Филиппова выполнили нормы третьего разряда в беге на 800 метров. Хороших результатов достигла Валентина Филиппова и в прыжках, прыгнув в длину на 3 метра 85 сантиметров.

В прошлом году, окончив школу ФЗО, Валя Филиппова стала ткачихой. Теперь она работает на восьми станках, перевыполняет план, является стахановкой. Ровно и слаженно гудят «восьмёрки» и другие комсомолок-физкультурники.

Несколько месяцев назад Валентина Филиппова избрала секретарём цеховой организации комбината. Сразу прибавилось дел у Вали, дел сложных, ответственных. В цехе шестнадцать комсомольцев и больше сотни молодёжи, не состоящей в комсомоле. Много времени и труда понадобилось Филипповой, чтобы укрепить комсомольские группы, наладить политическую учебу, привлечь молодёжь к активному участию в предвыборных кампаниях.

Как бы Валя ни была занята, всегда она находит время для занятий спортом. Валентину Филиппову увидишь и на лыжах, и в волейбольной сетке, и в гимнастических снарядах.

В «обеденный перерыв» Валя останавливает Тоню Андрианову:

— Ну как, поговорила с теми девчушками?

— С обеими говорила... В лёгкокатлетическую секцию пока не записались, а вот играть в волейбол очень хотят. Сегодня же в клуб явится.

К лету физкультурный коллектив комбината один из лучших в Муроме может стать ещё многочленней и сильней.

Отдохнув в немом после работы, молодые спортсмены направляются в клуб. На спортивной площадке пока ещё стоят огромные лужи, лежит местами рыхлый, гравозаты снег. Но погнать в волейбол, побегать и попрыгать, поупражняться на брусьях можно в гимнастическом зале.

Поднимаются девушки к клубу по высокой крутой горе. Впереди широкий Валя Филиппова. Вот и конец пути. Расстояние между Валентиной и её подругой осталось небольшим. Они весело смотрят вниз: на крыши текстильного комбината, на возвышшийся лёд Оки, на ажурные переплыты железнодорожного моста. Приближаясь к городе, по мосту идёт длинный товарный поезд.

Поеzd, который видят ткачики, ведёт комсомолец-машинист Николай Мажоров. Это передовой спортсмен местного общества «Локомотив». Бегунки и легкоатлеты ходят к нему в узмаки футбольной команды. Николай Мажоров — член бюро комсомольского комитета.

Поеzd, который видят ткачики,

ведёт комсомолец-машинист Николай Мажоров.

Капитан муромской команды «Локомотив» является и её тренером. Большой спортивный опыт помог Мажорову успешно справиться со своим обновлённым тренерско-общественным постом. Мажоров внимательно следит за всеми тактическими новинками в советском футболе и настойчиво внедряет эти новинки у себя.

Команда под его руководством стала сильнейшей на Казанской дороге. Прошлым летом, в седьмой раз подряд, муромские локомотивчики выиграли Кубок своей железной дороги. В прошлом же сезоне команда «Локомотив» стала чемпионом Муромской области Кубком города. Два года подряд завоёвывают железнодорожники и Кубок имени Героя Советского Союза Николая Гастелло.

Эта награда дороже для локомотивцев всех других. С именем славного советского патриота, воспитанника ленинского комсомола Н. Ф. Гастелло связана биография самой команды.

Для многих юношей Николай Гастелло — герой в Муроме. Здесь учился, потом работал в паровозоремонтном заводе. Гастелло был хорошим легкоатлетом, конькобежцем и футболистом. Играя он в составе той самой команды «Локомотив», которую возглавляет теперь Николай Мажоров.

Н. Мажоров.

ской организации паровозного депо, отвечающей за физкультурную работу.

Сегодня, возвращаясь из поездки, Николай будет отыграть. Но завтра он обязательно направится к большому дощатому зданию, что стоит рядом со стадионом. Когда-то здание это было летним кинотеатром, теперь оно превращено в зал для предсезонных тренировок футбольистов.

Валя Филиппова, секретарь цеховой комсомольской организации, всегда находит время для занятий спортом. На снимке: В. Филиппова тренирует молодых работниц гимнастикой.

Фото А. Моклецова

Вместе с Мажоровым придут скучающие мачинисты Арсений и Зеночев, кочегары Рожков, Барковский, Некротов, рабочие из депо.

— Становись-иси! — протяжно скомандует Николай Мажоров.

Капитан муромской команды «Локомотив» является и её тренером. Большой спортивный опыт помог Мажорову успешно справиться со своим обновлённым тренерско-общественным постом. Мажоров внимательно следит за всеми тактическими новинками в советском футболе и настойчиво внедряет эти новинки у себя.

Команда под его руководством стала сильнейшей на Казанской дороге. Прошлым летом, в седьмой раз подряд, муромские локомотивчики выиграли Кубок своей железной дороги. В прошлом же сезоне команда «Локомотив» стала чемпионом Муромской области Кубком города Николая Гастелло.

Эта награда дороже для локомотивцев всех других. С именем славного советского патриота, воспитанника ленинского комсомола Н. Ф. Гастелло связана биография самой команды.

Для многих юношей Николай Гастелло — герой в Муроме. Здесь учился, потом работал в паровозоремонтном заводе. Гастелло был хорошим легкоатлетом, конькобежцем и футболистом. Играя он в составе той самой команды «Локомотив», которую возглавляет теперь Николай Мажоров.

Несомненно, что спорт сыграл

немаловажную роль в формировании характера будущего героя, помог воспитанию в Николае Гастелло огромной душевой силы. Об этом знает и помнит комсомолы Мурома. Всегда помнит об этом и капитан футбольной команды «Локомотив».

Спортивные интересы игроков «Локомотива» сосредоточены не только вокруг кожаного мяча. Многие футбольисты являются и лучшими на станции Муром лёгкокатлетами, конькобежцами, городоплановиками, инженерами. Сам Николай Мажоров пробегает стометровку за 11,6 секунды, толкатъя ядро на 11,8 метра, имеет по лыжам второй разряд.

Преуспевают во многих видах спорта и те работники паровозного депо, которые и вовсе не играют в футбол. Людмила Шумякова — чемпионка Владимирской области по метанию диска, Михаил Николаев — мастер спорта по прыжкам в высоту, Евгений Рубцов и Владимир Ратников — спринтеры горододчинки, Александр Корякин и другие увлекаются охотой.

За укрепление и расширение своего низового спортивного коллектива Николай прилагает немалые усилия. Об этом говорит он на заседаниях комсомольского бюро, на рабочих собраниях, в дружеских беседах с молодёжью. И Николай Гастелло прослушивается, ему верят, за них идут, потому что слово комсомольского актива не расходится с делом, каждый его призыв подкрепляется личным примером.

г. Муром, Владимирской области.

О ДРУЖБЕ И ТОВАРИЩЕСТВЕ

Во всех временах дружество почитали из числа первых благ в жизни.

И. А. Крылов.

На языке легка и ласка и усмеха,

Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.

И. А. Крылов.

Сам посыбай, а товарища выручай.

А. В. Суровцов.

Нет уз светее товарищества! Отец любит свой дитя, матер любит свой дитя, дитя любит отца и матер. Но это не то, братцы: любят и зверь свою дитя. Но рождаются ростром по дщице, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищ.

Н. В. Гоголь.

Кто жил умом и сердцем, кто пропел знайнюю юность, кто человечески страдал и сочувствовал каждому восторгу, кто может указать на нее и сказать: «это мой друг», то я этого и скажу: «это мой друг», тот совершил коечто.

А. И. Герцен.

Глубокое познание друг друга, взаимное дополнение — вот суть товарищества... дружбы, сильной выше всяких обстоятельств.

А. И. Герцен.

И в светлом хаосе тревожной, бесподобной жизни яркой, светлой звездой, пурпурным огнем в будущее, сверкая простое, ямкое, как сердце, слово:

— Товарищ!

М. Горький.

Чувствуя всегда родную почву крепко под ногами, живи с коллективом, помни, что он тебя воспитал. Тот день, когда ты оторвешься от коллектива, будет началом конца.

Н. А. Островский.

Дружба — это прежде всего искренность, это критика ошибок товарища. Друзья должны первыми дать жесткую критику для того, чтобы товарищ мог исправить свои ошибки.

Н. А. Островский.

Честство товарищества, классовой дружбы надо всячески развивать у молодежи. Это одно из самых социалистических качеств. Оно необходимо всегда и особенно в классовой борьбе.

М. Н. Калинин.

Наше слово гордое «товарищ»
Над форжем возвышаются слова.

С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни ценных,
Это слово каждому знакомо.
С ним всегда находим мы родных.

В. И. Лебедев-Кумач.

Товарищ тот, кто вместе с тобой

Сражается, мыслит, строит.

Товарищ тот, кто проверен в борьбе,

Кто чистое народное множит,

Кто смело указывает ошибку тебе

И выход найдет поможет.

В. И. Лебедев-Кумач.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера С. Флора

ПОЛМЛНОНА УЧАСТИНИКОВ

В сороканесеновен столетия со дня рождения великого русского шахматиста М. И. Чигорина Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР организовал массовые шахматные турниры, в которых приняли участие более 100000 спортсменов.

В финале играл один из наших ведущих гроссмейстеров — московский Василий Смыслов. Он уверенно приобрел первое место с 10 очками из 13 возможных.

Леонид Голубев (Московская область) и Марк Тайманов (Ленинград) набрали по 8½ очков. Москвин Владимир Симанян занял четвертое место.

В 10-м туре Смыслов потерпел первое поражение в турнире Голубева. В следующем туре Смыслов встретился с ленинградцем Толушием. Встреча эта партия Голуби, и три фигуры белые сильнее, чем фигуры черных. Остроумная партия завершилась

14. Cf4 — h6! Cg7 — h8
На очищенный отрях 14. Cf5
белые получают пешечную оппоненту ходом Kc5, после чего слабость белых на h3 очевидна. Но ходом Kc5 белые получают пешечную и пешка с синей стороны становится слабой. Но чтобы доказать это, требуется очень точная, мастерская игра, что и произошло в дальнейшем продолжении партии Смыслова.

14. Cf4 — h6! Cg7 — h8
На очищенный отрях 14. Cf5
из-за 16. . . C: e2 15. Cf7 и три фигуры белые сильнее, чем фигуры черных. Остроумная ловушка.

Создается впечатление, что Толушкин многообщающей выигрывает партию. Однако дальше продвинутые пешки с4 и b4 вскоре становятся обойденными для белых.

21. Kd4 — c6
22. Lc1 : e4! Cb8 — f6
23. Le4 : c6 . . .

Грубая ошибкой было бы 23. Cf5 из-за 23. . . C: g5 24. Ff5 Fe7, и черные сохраняют фигуры.

24. Ff7 : e6 Cf6 : b4
25. cb6 : c7 Lb8 — b6
26. g3 : b4 Lb6 — a6
27. Kd5 : b6 Lb6 : a6
28. Kd1 : e3 Kd5 : f6
29. Ch6 : g5 Krf8 : k7
30. Kg7 : f6 Krf7 : h6
31. Ke3 : d5 +

Пона обе стороны мобилизуют свои силы. В подобных позициях обычно нет а5 и тем более Ка5. Смыслов избегает этой ошибки, он намерен ходом b4 вскрыть линии и диагонали для своих фигур.

Когда Смыслов пошел на комбинацию с нечестной начинкой, он точно определил, что его сильная пешка на с7 — более чем достоверная комбинация, чем ее противник. Четыре фигуры не могут препятствовать дальнейшим сдвигам.

Встречная победа победителя чирковинского турнира!

нейшему продвижению белых пешек на ферзевом фланге.

31. Krf7 : e6 Cf6 : b5
32. Kd5 : b4 Cf6 : b5

Нельзя 32. . . C: e2 из-за 33. Cf7 Krf7 34. Cf6 +, и черные должны отдать ладью.

33. Cf2 : b7 Cf6 : d7

После 33. . . Krf7 34. Kd5 Cf6
35. C: e6 + Kp: cb 36. Cf6 + L: e6
37. Kf7 + получается пронгриппный для черных пешечный андицир.

34. Kd4 — d5 Cf7 : c8

35. Cf7 : c6 Lc8 : g8
36. b2 — b4 g8 : g5
37. Kd5 : d4 g5 : f4
38. h3 : h4 Cf8 : a6
39. b4 : b5 Ca6 : c8
40. b5 : b6 g4 : g3

и черные сдались. Встречная победа победителя чирковинского турнира!

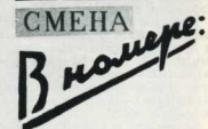
Решение задачи из книги Н. Баженова, опубликованной в № 3 «Смены»: 1. Lb1.

Редакторы: В. Ажаев, Г. Гулла, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Луконин, Н. Смородин.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. А — 02896. Подписано к печати 17/III 1951 г. Заказ № 652. Тираж 120 000. Инд. № 184.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Л. Лихоедов — Кущен Тур-
сунбеков, машинист экипажа.
Мира же ждут — мир завоевают.
В. Чачин — На Счастливой
улице. А. Великанов — Штурмовая
погода.
О. Пухов — Встреча друзей.
Салам. Кадыров — Трудоголик
и писатель.
Сергей и Гурий — На водопаде.
Петро Панич — Когда улыбается
Л. Ильин — Работа Карла
Маркса над книгами рус-
ской словесности.
Леонид Сорокин — Стихи.
Г. Колеватов — Вечер в Аль-
поле.
Л. Грин — Открытые двери.
О. Грудцина — Читатель и
коньки.
Григорий Иванов — Владимир
Макаровский.
А. Космодемьянский —
Очень русская комедия.
Викторинская Водянина.
А. Баркудри — Монумент
Динарцата.
Ник. Шаповал — Связная Цыпь
Фин.
Л. Борисов — Народный
поэт Оренбурга.
Ара Саркисян — Молодые ху-
дожники Армении.
Фурманян — Оранжевый.
Д. Шатров — Личный пример.

На первой странице обложки: студент Окса Аблос (Государственная академия художеств Латвийской ССР) под руководством профессора художника Бориса Ставицкого. На втором плане: художник Олег Орлов. На третьем плане: Скульптор работает над дипломной картиной. Фото А. М. Малькова. На четвертой странице обложки: «Весна». Картина А. Егорова (Весенняя выставка 1950 года).

Оформление номера В. Урина.

Армия мира

Слова Г. РУБЛЕВА

Музыка С. ТУЛНИКОВА

Темп помольного марша

Ф.п.

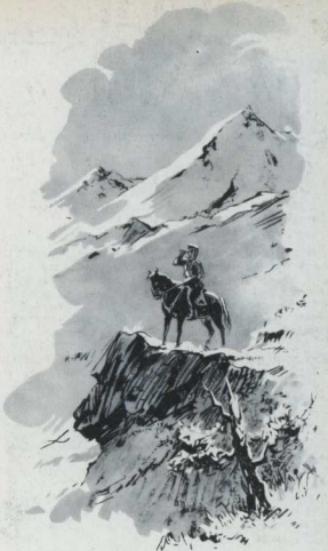
Мы о холме, сюда на холм да. Слышишь же, где добрых народов три. Ах мы бы им были достоинны и спасли бы

Хор. Громко

Добрых народов три ныне зовут. В бою за прочный мир, за свою нацию, за тех к подножью ныне зовут.

Звонко

Стало быть, наша задача твоим сыновьям, да оправдание им от мир родной страны

Мы охраняем мирный труд народа,
Славен вовек людей свободных труд.
Армией мира, братства и свободы
С любовью все народы нас зовут.

Припев:

В бой за прочный мир, за свой народ
Шли к победе мы всегда вперед.
Сталин, наш отец, твои сыны
Охраняют мир родной страны.

Клятве верны бойцы и командиры,
Счастье любимой Родины храни.
Так же тверда, как наша воля к миру,
Советских танков мощная броня.

Припев.

Ночью и днем стоим мы все на страже.
Тучи над миром сходятся опять.
И если нам враги войну наложат,
Мы мир в боях сумеем отстоять.

Припев.

Рисунки Н. Калиты

Цена номера 2 руб.

